Литкульт привет!

Литературно-художественный журнал

Сибирская деревня Худ. Олеся Кищенко.

2 (124) февраль 2023 г.

Ежемесячный журнальный выпуск

Литкультпривет!

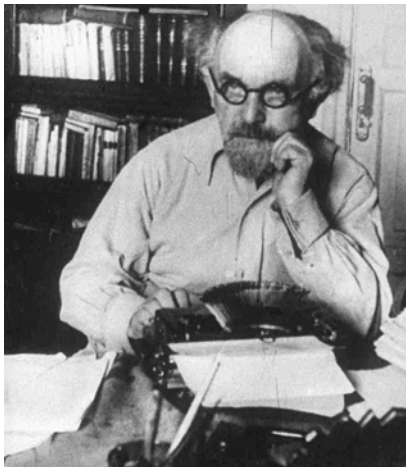
Основан 30 октября 2012 г. п.г.т. Нижний Ингаш Февраль №2 (124) 2023 г.

Юбилейный календарь

265 Василий КАПНИСТ

Капнист Василий Васильевич (1758/1823) — русский поэт и драматург. К. был известен своими антикрепостническими взглядами. Лучшими его произведениями считаются «Ода на рабство» (1783) и «Ябеда» . В “Оде на рабство” (1783) выразил протест против крепостнического гнета. Сатирическая комедия “Ябеда” (вскоре после постановки 1798 запрещена), направленная против взяточничества и судейского произвола чиновников-космополитов.

150 Михаил ПРИШВИН



Русский и советский писатель, прозаик и публицист. В своём творчестве исследовал важнейшие вопросы человеческого бытия, размышляя о смысле жизни, религии, взаимоотношениях мужчины и женщины, о связи человека с природой.Родился4 февраля 1873 г., Хрущёво-Лёвшино. Умер16 января 1954 г. (80 лет), Москва, СССР

120 Семён ГЕЙЧЕНКО

Семён Степанович Гейченко. заслуженный работник культуры РСФСР. Герой Социалистического Труда. Организовал воссоздание мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» в Псковской области. Лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской и Государственной премии Российской Федерации.

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Балтин
Неустанен в творчестве.....3

Алла Новикова-Строганова
Он в душе человеческой живёт.....5

ПРОЗА

Валерий Румянцев
Рассказы.....8

ПОЭЗИЯ

Яков Шафран
Душою я там. Стихи.....15

Евгений Харитонов
России верные сыны. Стихи.....17

Евгений Степанов
Стихотворения из готовящейся книги “Преодоление”.....20

Николай Ерёмин
Хорошие приметы. Стихи.....23

Сергей Прохоров
Стихи.....26

ЛИТМНЕНИЕ

Александр Балтин
Поэтическое обозрение журнала Литкультпривет!.....34

Редактор ***Сергей Прохоров***
Красноярский край,
Нижний Ингаш.

Александр БАЛТИН
Москва

Александр БАЛТИН - ч лен Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5-ти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

К 150-летию М. Пришвина

«НЕУСТАНЕН В ТВОРЧЕСТВЕ»

Музыка много определяла в его жизни; в юности игравший на мандолине Пришвин, почитал музыкальные ритмы той силой, что определяют и жизнь, бытование человека на земле, в недрах вечного вращения юлы юдоли; потрясшего его вагнеровского «Тангейзера» писатель слушал бессчётное число раз…

Сплошная сила литого, золотого звука великого немца!

Пришвин, казалось, стремился также строить тексты свои – сплошным музыкальным потоком, добиваясь комбинационного эффекта ясности и глубины.

Звук вёл мысль: и звук выстраивал пейзаж: который Пришвин, чувствуя необыкновенно, превращал в кадры солнца…

Он и фотографией увлекался страстно: и первую свою книгу «В краю непуганых птиц» проиллюстрировал собственными фоторабо тами.

…удивительный – прорастает в реальность «Женьшень»: таинственный корень, с которым связано так много легенд и такое количество удивительной правды.

Повесть Пришвина ткётся с той мерой искусности, когда мастерство не заметно, завораживает результат: кажется, ни у одного писателя не было в арсенале столько слов для описаний природы…

Её живая плазма переливается огнями музыки и поэзии: так, будто за каждом листком стоит неповторимость собственной судьбы, а все вместе – объединяются они в богатство единого человеческого древа.

Волшебно проходят пятнистые олени…

«Кладовая солнца» укрупняет один день до величины поэтического произведения: без рифм, разумеется…

Финал войны, сироты, ведущие нехитрое хозяйство, сошедший снег, дети, собравшиеся за прошлогодней клюквой.

Параллельно – идёт история двух собак, оставшихся жить в лесу в силу ряда обстоятельств.

Будет трагедия: однако – с благополучным исходом, конечно, дети пересекутся с одной из собак, что останется жить у них; и расцветут волнующие, волшебные цветы музыки, и…ясности: торжественности природных чудес, и волхвования слова.

Пластика пришвинского стиля велика: он придаёт словам почти ощущаемый физический вес; словам, словосочетаниям, суммам фраз…

Он писал о животных так, будто ощущал характеры их, видя в каждом индивидуальность.

Он украсил историю русского художественного слова настолько не меркнущими произведениями, что свет, идущий от них, только разгорается с годами…

2

Он чувствовал рост трав, их мистическое – и такое земное – движение к солнцу; он ощущал каждый листок: видя целостность великолепной массы, и зная, насколько состоит она из отдельных элементов; он входил в храм природы благоговейно: как писатель, прежде всего, но и – как фотограф…

В шуме леса отражалась вагнеровская мощь: а Пришвин чрезвычайно был увлечён музыкой великого немца.

…ярок и буен был отец Пришвина: он разводил орловских рысаков

и выигрывал на бегах, увлекался цветоводством, создавая удивительные орнаменты из естественных даров природы, был страстным охотником, изрядным садоводом; однако, проигравшись в карты, продал конный завод и заложил имение, и умер, разбитый параличом…

Мать Пришвина происходила из старообрядческой семьи: и градус каления, когда речь шла о достижение цели, вероятно шёл от этого корня.

Ей удалось выправить положение дел, и дать детям достойное образование.

Разными путями шёл Михаил Пришвин, учась, постигая жизнь, её корневые основы; разные пути постепенно сходятся к пантеону творчества, войдя в который, обретается понимание цели и смысла бытия.

Творчество!

Сколь сильно наэлектризовано благородным светом сие понятие…

В 1907 году Пришвин становится корреспондентом газеты «Русские ведомости».

Он много путешествует, этнография и фольклор влекут его своими сияющими лентами; он сотрудничает с разными газетами, много публикуется, постепенно становясь известным в литературных кругах; знакомится с М. Горьким и Дм. Мережковским, А. Ремизовым и А. Н. Толстым.

Автобиографическая повесть «Мирская чаша», поначалу отвергнутая редакторами, рассказывает о странствиях и захватывающих увлечениях писателя; она полна разнородным содержимым, которое, алхимически работая, и составляло огромную личность великолепного Пришвина.

Охота и краеведение, становясь сильными страстями писателя, определяют появление серий очерков и рассказов для детей.

Последние легки: их кристальная ясность играет природными красками в той же мере, в какой Пришвин открывает для себя тайны природы.

Лес – как таинство.

Лес – как своеобразная природная церковь, что особенно ощущается осенью, когда многообразие цвета завораживает, как богослужение.

Отношение его к событиям 17 года было противоречивым: от неприятия – в силу избыточного насилия, до примирения, которое не сулило, однако, гладкой жизни.

Дальний Восток, пристрастно исследованный во время соответствующего путешествия, становится объектом описания: появляется книга «Дорогие звери», из которой вырастает повесть «Женьшень»

Лица зверей!

Пришвин бесконечно вглядывается в них, изучая столь мало знакомый человеку космос; и белка, и лиса достойны внимания ничуть не в меньшей степени, чем персонажи-люди.

Север манит: в своеобразие его природы, не говоря о своеобычности небес, заложено столько величественного.

Особняком стоят монументальные дневники Пришвина: достоверность наблюдений, ёмкость образов, колорит – тут законченное художественное произведение, наполненное яркой работой мысли и последовательным исследованием лет, выпавших на долю писателя.

И снова цветут фотографии: увлечение, сопровождавшее Пришвина, до конца, до финальных дней его бытования на земле.

С записными книжками Пришвин не расстаётся никогда.

Они растут, напластования впечатлений обрабатываются, и крепнут дневники, чья многотомная летопись тянет на эпопею.

Сколько узнано писателем о жизни природы, о плазме её волнующей, о волшебстве тончайших изменений, происходящих постоянно.

Афоризмы мелькают…

Вместе дневники словно нанизаны на глобальную мысль: о творчестве, как единственной созидательной ценности.

…он фотографировал людей, он сделал цикл фотографий об уничтожение колоколов Троице-Сергиевской лавры.

Он был неустанен в творчестве: словно магический порох его и определял жизнь, чья внешняя сторона была всего лишь гарантией бесконечного продолжения трудов: трудов, раскрывавшихся столь различно и ярко, весомо и трепетно, нежно и величественно.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
Москва

Алла Анатольевна Новикова-Строганова - доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России (Москва), историк литературы

ОН В ДУШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИВЁТ

1872 год в творческой биографии Николая Семёновича Лескова (1831 - 1895) был ознаменован созданием повести, явившейся общепризнанным шедевром, который, по словам писателя, «нравился и царю, и пономарю». Это был знаменитый «Запечатленный Ангел» (опубликованный в 1-м номере журнала «Русский вестник» в январе 1873 г. «Ангел» – с прописной буквы – и в прижизненных, и последующих дореволюционных изданиях). Повесть имела громадный успех. Её узнали «на самом верху»: императрица Мария Александровна выразила желание послушать «Запечатленного Ангела» в чтении автора. Повесть стала также книгой для домашнего чтения в кругу многих русских семей. Знаменательно сообщение А.П. Чехова редактору Н.А. Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери "Запечатленного Ангела"».

Своё творение Лесков снабдил подзаголовком «рождественский рассказ». В его развёрнутом сюжете соблюдены все правила и условности святочного жанра. Но писательское мастерство столь велико, что жанровые каноны не ограничивают, а – наоборот – способствуют творческой фантазии и художест-венной изобретательности автора. Лесков был доволен тем, что именно после его «Запечатленного Ангела» святочные рассказы «опять вошли в моду», то есть стала возрождаться и продолжилась традиция целого пласта отечественной культуры. Русскую святочную словесность нельзя рассматривать как малозна-чительную подробность «беллетристического быта», как расценил её литерату-ровед Л.А Аннинский.

Кроме того, первый опыт лесковского «рождественского рассказа» «воз-действовал» на литературный процесс (пасхальный шедевр Чехова «Святою ночью» – этюд в лесковской манере); на дальнейшие творческие искания самого Лескова. Именно «святочная модель» – та жанровая канва, которая зарождалась в «Запечатленном Ангеле», – была спроецирована затем на многие святочные рассказы и «рассказы кстати». Прежде всего это своеобразные «святочные обстоятельства» – не только время: «Дело было о святках, накануне Васильева вечера», – но и место действия, которое обусловливает атмосферу «рождественского сплочения», тесного общения (иногда вынужденного, невольного): «Жесточайшая поземная пурга <…> загнала множество людей в один постоялый двор, стоящий бобылём среди гладкой и необозримой степи. Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чуваши». Так, с одной стороны, достигается эффект «уюта запертой рождест-венской комнатки», а с другой – что неизмеримо важнее – писатель получает уникальную возможность собрать воедино всю Русь, все сословия и нации, соединить людей в не формально-казённом, но именно человеческом общении: «Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно.

Непременное в святочном повествовании «чудо» в «Запечатленном Анге-ле», пожалуй, – ключевое слово и образ, играющий разными смыслами и красками. Весь комплекс «чудес», «дивес», «преудивительных штук» повести неуклонно подводит к главному чуду – общечеловеческому единению, осуще-ствлению на деле желания «воедино одушевиться со всею Русью». Прорыв раскольничьей замкнутости в большой мир (герои-раскольники приняли Православие; знаменательно, что артельные рабочие строят мост – соединяю-щий не просто разные берега, но в прямом и образно-символическом смыслах – сближающий людей), отказ от догматизма, соединение людей разных нацио-нальностей, различного общественного положения (хозяева-англичане тронуты и потрясены внутренним богатством и высотой духа рабочих мужиков-раскольников) – все эти важнейшие

итоги общечеловеческой солидарности базируются на сокровенной вере Лескова в то, что все – «уды единого тела Христова! Он всех соберёт!».

Даже в атмосфере «суетного и суетливого времени» писатель был вооду-шевлён верой в духовность человека: «Двойственность в человеке возможна, – размышлял Лесков, – но глубочайшая суть его всё-таки там, где его лучшие симпатии».

В разъединении друг с другом и с Богом люди ощущают себя не просто осиротевшими, они, по лесковскому слову, становятся «братогрызцами». Для установления истинно братских отношений необходимо искать общий корень, общую опору – «едиными усты и единым сердцем».

Знаменательно, что воссоединяющий людей финал-апофеоз происходит на «Спасово Рождество» – праздник духовного единения. Чётко обозначив жанр «Запечатленного Ангела», Лесков не случайно приурочил его кульми-нацию – переход героев в новое духовное состояние – к святкам. В новогод-нюю ночь при остродраматических обстоятельствах совершает Лука Кирилов, руководитель раскольничьей артели, свой героический переход к православному храму по обледенелым цепям над ревущим Днепром – подвиг, становящийся в общем контексте рассказа символическим. А в это время в храме совершается всенощная в честь праздника Василия Великого, литургия под Новый год, содержащая слова об обретении веры через церков-ное причастие «едиными усты и единым сердцем». Чудесный финал идеально соответствует жанровой природе рассказа: героев-раскольников к русской церкви «перенёс Бог», Ангелы вели, спасая от гибели над пропастью свето-носнотью икон.

Несмотря на замечание Ф.М. Достоевского в статье «Смятенный вид» о том, что Лесков в финале слишком поспешил разъяснить чудо, всё же и рассказчика, и героев, и читателей не оставляет впечатление, что они стали сопричастниками, «дивозрителями» утверждения Высшего Промысла: «а для нас всё равно, какими путями Господь человека взыщет и из какого сосуда напоит, лишь бы взыскал и жажду единодушия его с Отечеством утолил».

Таким образом, Лесков выводит традиционную в святочном рассказе идею сплочения из ограниченных рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, межнациональный, общечеловеческий. Это тем более важно, что писатель с болью наблюдал распад человеческих и общенациональных связей: «с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённее, как будто и весь род русский только вчера наседка под крапи-вой вывела».

Не дать порваться связи времен и поколений, восстановить «тип высоко-го вдохновения», «чистоту разума», который пока «суете повинуется», поддержать «своё природное художество» – главные цели создателя «Запе-чатленного Ангела».

Особая тема рассказа – отношение к русской иконе и иконописанию. «Запечатленный Ангел» – уникальное литературное творение, в котором икона становится главным «действующим лицом».

С годами писатель приобрёл репутацию одного из лучших знатоков рус-ской иконы. В кабинете Лескова имелось иконописное собрание, судьба которого сейчас неизвестна. Но сохранился рисунок с иконостатической коллекции Лескова, и мы знаем, как выглядела божничка писателя. Все иконы на рисунке различимы, узнаваемы. В.В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского – «русский лик и отчасти как бы украинский». У Лескова были редкостные поморские складни, старинные иконы строгановского и заонежского письма. В лесковском Доме-музее в Орле хранятся три иконы. Одна из них – «Спас во звездах» – с дарственной надписью Лескова. Эту икону писатель подарил своему сыну Андрею на Рождество.

Не исключено, что в «Запечатленном Ангеле» Лесков даёт точное опи-сание подлинника: «Ангел-хранитель, Строганова дела». Хотя лесковский рассказчик подчёркивает, что красота иконы неописуема, тем не менее именно в слове он умеет передать тончайшие отблески и игру красок, оттенки эстетического переживания при созерцании святыни: «глянешь на Ангела… радость! Сей Ангел воистину был что-то неописуемое. Лик у него, как сейчас вижу, самый светлобожественный и этакий скоропомощный; взор умилен <…> в правой руке крест, в левой огнепалящий меч. Дивно! дивно!.. Власы на головке кудреваты и русы, с ушей повились и проведены волосок к волоску иголочкой. Крылья же пространны и белы как снег, а испод лазурь светлая, перо к перу, и в каждой бородке пера усик к усику. Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься «осени», и сейчас весь стишаешь, и в душе станет мир. Вот это была какая икона!»

В лесковском «иконописном» фрагменте сохранён стиль русской агио-графии во всей его чистоте и красоте, как он представлен у лучших писателей древней Руси – Нестора, Епифания Премудрого, Пахомия Логофета. Богатст-во словесной культуры, развитая риторика, пышно изукрашенное «плетение словес» и – главное – «нравственная серьёзность перед лицом красоты». На это последнее свойство русской литературы и искусства указывал С.С. Аверинцев: «праведность Андрея Рублёва <…> совершенно неотделима от сверхличной святости иконописания как такового. Чтобы красоте можно было поверить, это должна быть особая красота. Потворство чувственности <…> и культ самоцельного артистизма исключены». Исследователь считает, что старинное слово «благообразие» выражает «идею красоты как святости и святости как красоты».

Известно, что «изограф Севастьян» в «Запечатленном Ангеле» во мно-гом списан с «художного мужа» Никиты Савостьяновича Рачейскова, с которым был дружен Лесков. Сыну писателя запомнилась прежде всего духовность в колоритном облике мастера-иконописца. Он настолько был «растворён» в божественном искусстве, что и внешностью своей напоминал древнее художество: «был стилен с головы до пят. Весь Строганова письма. Высок, фигурой суховат, в чёрном армячке почти до полу, застёгнут под-душу, русские сапоги со скрипом. Картина! За работой <...> весь внимание и благоговейная поглощённость в созидании Деисусов, Спасов, Ангелов, «воев небесных» и многоразличных «во имя». <…> лик постный, тихий, нос

прямой и тонкий, тёмные волосы серебром тронуты и на прямой пробор в обе стороны положены; будто и строг, а взглядом благостен. Речь степенная, негромкая, немногословная, но внятная и в разуме растворённая. Во всём образе – духовен!».

Герои «Запечатленного Ангела» отправляются в долгий путь на поиски настоящего «изографа», потому что светские художники «изучены представ-лять то, что в теле земного, животолюбивого человека содержится, а в священной русской иконописи изображается тип лица небожительный, насчёт коего материальный человек даже истового воображения иметь не может». На глазах «дивозрителей» «талантствует» «мудрый изограф», творя рождественские иконы, которые он надписал удивительным словом «Добро-чадие», тем самым как бы призывая всех быть «добрыми чадами» своего Небесного Отца.

Таким образом, лесковский «рождественский рассказ» «Запечатленный Ангел» – этот, по слову А.А. Измайлова, «Василий Блаженный в письмен-ности» – явился образцом «редкого отеческого художества», которое возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духов-ной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Знаменательна в повести фигура отшельника Памвы, который «весь любовью одушевлён». Образ жизни в лесном ските смиренного «анахорита», «беззавистного и безгневного» отца Памвы: «согруби ему – он благословит, прибей его – он в землю поклонится, неодолим сей человек с таким смирени-ем!» – напоминает житие аскета-пустынника преподобного Серафима Саровского, с его тяжёлым и скорбным и в то же время благодатным путём подвигов молитвы и самоотречения.

Как замечал знаток древнерусской религиозности Г.П. Федотов: «най-дётся иногда лесной скиток или келья затворника, где не угасает молитва. <…> Преп. Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошёл на икону, среди святителей, из числа новейших подвижников. <…> Оптина Пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замёрзшая Россия».

Также и старец Памва в рассказе Лескова толкует о грядущем «распе-чатлении» Ангела: «Он в душе человеческой живёт, суемудрием запечат-лен, но любовь сокрушит печать…»

Этими словами святого отшельника – героя своей повести – Лесков спустя 150 лет после создания «Запечатленного Ангела» подаёт нам надежду на любовь и милосердие Божие. Писатель ободряет нас, сегодняшних, загоняемых в электронный концлагерь, с его ужасающей перспективой нанесения «печати зверя». То, что многие считали жутким кошмаром, на наших глазах превращается в реальность и совсем уж близко к воплощению: «всем – малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам – положено будет начертание на правую руку их и на чело их» (Откровение. 13: 17).

Но святому Иоанну Богослову в его видении предстали также «побе-дившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его» (Откровение. 15: 2). И один из семи Ангелов, исполнивши волю Божию, открыл святому Иоанну: «Зверь, которого ты видел, был и нет его, и выйдет из бездны и пойдёт в погибель» (17: 8); «и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые, избранные и верные» (Откровение. 17: 14) .

Валерий РУМЯНЦЕВ
Сочи

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. ... Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и четверых внуков. Проживает в Сочи. Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 150 изданиях РФ и за рубежом (в том числе в 47 литературных журналах). Вышло в свет десять книг Валерия Румянцева

ВО СНЕ И НАЯВУ

Поезд по маршруту «Санкт-Петербург – Москва» отправился в путь поздним февральским вечером. В купе одного из вагонов вели оживленную беседу два известных человека, которые ехали в Москву, чтобы принять участие в большом мероприятии под названием «Литературный экспресс».

Одним из пассажиров был многолетний ведущий телевизионной передачи «Вокруг смеха» поэт-пародист Александр Александрович Иванов. Его попутчиком оказался поэт Николай Константинович Доризо. Такие песни на его стихи, как «На тот большак, на перекрёсток», «Давно не бывал я в Донбассе», «Огней так много золотых», до сих пор волнуют сердца тех, у кого они есть.

Неожиданно Николаю Доризо пришло на ум пошутить, и он сказал:

- Я вчера прочитал на тебя эпиграмму Фазиля Искандера. По-моему написано очень удачно, схвачена основная суть твоих пародий. Хочешь послушать?

- Давай, - согласился Александр Александрович.

- Скорбен лик у Иванова –
Хоть пиши с него святого,
Благодушен в скорби он,

Как весенний скорпион, - продекламировал Николай Константинович и рассмеялся.

Иванов решил не оставаться в долгу и сообщил:

- А я вчера написал новую пародию. Хочешь прочту?

- Конечно, хочу. Ты у нас, как бы сейчас сказали, звезда в пародийном жанре.

- Поэт Николай Доризо написал такие стихи…

После этих слов Николай Константинович насторожился.

А Иванов продолжал:

- Мне снилось, будто так я знаменит,
Что мне при жизни памятник отлит.
Стоит он на бульваре, на Тверском,
И вот к нему я подхожу тайком.
К его ногам несёт цветы народ.
Меня ж никто в лицо не узнаёт.

Пародия называется «А вдруг?».

Никто не знает, как я знаменит,
Как много памятников мне отлито.
Я – знаменитейший в Отечества пиит,
Но от народа это дело скрыто.
То безлимитная подписка на меня,
То годовщина смерти иль рожденья…
Журнал, газета, лист календаря –
Повсюду есть мои стихотворенья.
Я прихожу ночами на Тверской
И, подождав удобного момента,
С какой-то непонятною тоской
Кладу себе цветы у постамента.
У ног моих букеты круглый год,
Сюда народная тропа не зарастает.
Да, чтит мою поэзию народ,
Хотя в лицо меня никто не знает.
Такой вот сон приснился мне вчера,
И я подумал: «Ну, а вдруг? Ведь что мы знаем?
Недаром говорят профессора,
Что человек в себе непознаваем!
Вдруг Пушкин я, но в облике другом?

И предыстории моей друзья не знают?
И хоть я – Александр, но все кругом
Меня наивно Николаем называют».

- Ну ты и язва, Саша.

- Что, пародия не понравилась? – спросил Иванов и улыбнулся.

- Ладно, хватит, пора спать, - сказал Доризо и начал расстилать постельное бельё на своей полке.

Рано утром кондуктор, как его и просили, разбудил поэтов. Они привели себя в порядок и сели пить чай.

- Ты знаешь, - сообщил Иванов, - мне ночью приснился интересный сон.

- Что за сон? – поинтересовался Доризо.

- А вот расскажу. Будто нахожусь я в Москве возле Большого театра, где проходит Всероссийская конференция писателей и читателей на тему «Есть ли будущее у русской литературы?» И самое интригующее, что в конце дня участники должны голосовать по этому вопросу. А в зависимости от результатов голосования, государство будет или не будет оказывать серьезную финансовую поддержку писателям, литературным журналам, книжным издательствам, да и читателям путём снижения цен на художественную литературу. И проводит это серьёзное мероприятие не кто-нибудь, а Государственная Дума, и, говорят, что в счётной комиссии будут только депутаты. Мол, дело пахнет большими деньгами, - и доверять решение этого вопроса самим писателям и читателям никак нельзя.

- Действительно интересно и главное – актуально, - согласился Доризо.- Ну и что же дальше было?

- Каждый участник конференции, - продолжил Иванов, - входя в зал, получает бюллетень, в котором всего один волнующий меня вопрос: «Есть ли будущее у русской литературы?» И при тайном голосовании надо будет зачеркнуть графу «да» или «нет». Но весь фокус в том, что в театр, чтобы сохранить нужную пропорцию, пускают по два человека: члена союза писателей и не члена. Заходят два человека - и один из них должен показать членский билет одного из писательских Союзов, которых у нас, по моим подсчётам, уже где-то штук двадцать; а может, я и не все посчитал. А некоторые писатели привели с собой своих главных литературных героев. По мнению устроителей, это делается для того, чтобы получить объективную картину после голосования.

Я - обычный рядовой читатель - мечусь возле колонн и никак не могу найти писателя с членским билетом, чтобы проникнуть в зал, послушать выступления писателей и читателей и самое главное - проголосовать. Да, проголосовать! Потому что я заядлый читатель, и мне хочется проголосовать за то, чтобы русская литература жила и дальше и радовала нас своим художественным Словом. Уже десять часов утра, в зале начались выступления, а я всё бегаю вокруг колонн в надежде добиться своей цели. Суечусь, а толку нет. Таких, как я – пруд пруди, а людей с удостоверениями – как рыбы в реке, гораздо меньше. Я уже начал думать, что не попаду в зал, что это – тупик. Но иногда ясно видимый тупик – лишь обман зрения.

Неожиданно ко мне подходит интеллигентный мужчина средних лет с аккуратной бородкой и спрашивает:

- Извините, вы писатель?

- Нет, - отвечаю, - к сожалению, читатель. – И спрашиваю. –

А что?

А он мне:

- Я писатель. И если вы хотите в зал, то пошли.

Эх, если бы ты знал, как я обрадовался! А он меня тактично поторапливает, мол, там уже выступления начались. В фойе я увидел множество знакомых лиц: депутатов Госдумы, главных редакторов литературных журналов, таких известных писателей как Михаил Шолохов, Александр Фадеев, Константин Федин, Владимир Карпов. Промелькнули лица Твардовского, Симонова, Евтушенко, а самое интересное – я увидел Андрея Болконского, князя Мышкина, Клима Самгина, Григория Мелехова, генерала Серпилина и ещё кого-то из числа главных литературных героев.

При входе в зал получили мы бюллетени и сели на свободные места.

Вижу, Михаил Жванецкий стоит за трибуной и, видимо, заканчивает свою речь:

- … Либо наша жизнь станет лучше, либо мои произведения будут жить вечно.… Такое впечатление, что власть из кожи вон лезет, чтобы обеспечить меня работой на десятилетия вперёд.… К современному юмору отношусь отрицательно. Уровень его резко снизился в последние годы. Чувствуешь отторжение на физическом уровне. На мой взгляд, всё это происходит не случайно. Власти удобно иметь дело с «шариковыми», поэтому она и поощряет исключительно примитивный юмор. Я в эту схему не вписываюсь, и слава богу.… Ребята, если мы уж по горло в дерьме, возьмёмся за руки.

Когда на трибуну вышел Владимир Жириновский, зал, оживлённый выступлением Жванецкого, стал ещё оживлённее. Никого не поприветствовав, Владимир Вольфович начал «рубить с плеча»:

- Возьмите того же Гоголя, «Мёртвые души» - у нас что, чичиковых нет сегодня, которые скупают не мёртвые души крепостных, а акции обанкротившихся предприятий? Под эти акции получают кредиты, а потом покупают валюту и вывозят в оффшоры. Вот вам сюжет – дарю бесплатно.

«Горе от ума» давайте осовременим.… Почему между умным Чацким и дураком Молчалиным Софья выбирает Молчалина? Потому что у него постоянная зарплата – он чиновник, он коррупционер. Покажите это, чтобы было понятно, что и сегодня у нас есть кому-то горе от ума.

Или Тургенев… Я спрашиваю молодёжь, школьников: кто главный персонаж «Муму» Тургенева? Говорят – собачка. Как может быть собачка, щенок главным героем – с кого брать пример? Или Герасим – глухонемой дворник, в чём героизм? Барыня главная героиня – о ней писал Тургенев. А миллионы школьников думают, что герой – это собачка или глухонемой дворник. Осовременить нужно, показать, кто эта дама, может, Васильева, которая там по Министерству обороны проходит, а глухой Герасим – какого-то мигранта взять из Средней Азии, Муму найти.

Вот Достоевский почему стал великим писателем? – Десять лет каторги! Какой вывод я делаю? Надо сажать. Если

будут сидеть три, четыре, пять лет, появится Достоевский…

В то время, как Жириновский извергал свою речь, в зале периодически слышался смех. А мой сосед-«спаситель» просто гоготал над моим ухом.

Пока он вытирал платком рот и усы, на трибуну вышел главный редактор литературного журнала «Двина» Михаил Попов и сказал следующее (вступительные приветствия всех ораторов я не воспроизвожу, они однотипны и потому малоинтересны):

- Умерли навсегда «Континент», «Литературная учёба», «Новая юность», «Октябрь», «Москва» (в лучшем случае, остались только куцые интернет-версии), на грани краха «Дружба народов», «Новый мир» (да, да, не удивляйтесь, почитайте последнее интервью Василевского), «Подъём», «Сибирские огни», «Урал». Кто продержится ещё максимум пять лет? «Вопросы литературы (эти дольше всех, научное издание и талантливый менеджер-литератор Шайтанов, таким был Игорь Иванович Виноградов, светлая ему память), «Новое литературное обозрение», «Молодая гвардия, «Иностранная литература», «Знамя», «Юность», «Роман-газета», «Звезда»…

В зале нарастал шум, и уже трудно было понять, что говорит оратор. Потом на трибуне появился главный редактор литературного журнала «Молодая гвардия» Валерий Хатюшин:

- «Либеральные» журналы русскому человеку читать вообще не нужно и даже вредно для психики. Не нужно ему читать ни «Новый мир», ни «Октябрь», ни «Знамя». Потому что ничего, кроме вреда, от них он для себя не получит. А читать русскому человеку нужно русские журналы. Какие? Это обязан знать каждый грамотный русский человек.

Выкрик из зала:

- А какие журналы нужно читать не русскому человеку?!

Не обращая внимания на помеху, Хатюшин, пригладив усы, продолжал:

- Если не знает, он – безграмотный.… К примеру, не читая «Молодую гвардию» и не зная того, что публикуется на её страницах, просто глупо и бессмысленно судить о состоянии нынешней прозы и поэзии, так как в «Молодой гвардии» печатаются лучшие русские авторы. Не раз я писал о том, что государство нынешнее, в лице президента, очень сильно любит спортсменов и артистов и выделяет на спорт, театры и кино миллиарды рублей. А вот русские писатели у него и, тем более литературные журналы, существуют в качестве никчёмных пасынков, на которые можно вообще не обращать внимания. И вполне возможно, что лет через десять, а то и раньше литературные журналы погибнут. Кому от этого станет лучше?

Когда Хатюшин закончил свою речь, послышались жидкие аплодисменты, которые быстро испарились. И было видно, что он недоволен реакцией зала на своё выступление.

Потом на трибуну поднялся Дмитрий Мережковский и начал читать по бумажке:

- Публика наша до сих пор с младенческим недоумением внимает философскому языку. Она или чувствует, или рассуждает, но не научилась мыслить. Самая глубокая и страстная поэзия мысли ей почти недоступна. Наши критики не умеют отличить рассудочность риторики от выстраданной идеи поэта-философа…

Чем дольше говорил Мережковский, тем сильнее среди слушателей нарастал шум. А вскоре из зала полетело:

- Предатель! Гитлеровский прихвостень!..

И тут же на сцену выбежали два молодых человека и грубо вытолкали Мережковского со сцены. Впрочем, в 1941 году он это заслужил: отпуская язык на волю, берёшь ответственность за его поступки.

Выступил и главный редактор газеты «День литературы» Владимир Бондаренко. Он сказал следующее:

- Почему сегодня русская литература не в чести у власть имущих? Почему по телевидению нет ни литературных вечеров, ни дискуссий с писателями и поэтами? Почему давно отменены поездки писателей по стране с выступлениями и концертами через Бюро пропаганды? Почему нет государственной поддержки ни художественным журналам, ни издательствам, почему по всей России закрываются книжные магазины и библиотеки?

В своё время император Николай I после встречи с Пушкиным сказал своим придворным: «Сегодня разговаривал с умнейшим человеком». С каким из умнейших писателей хоть раз беседовал Владимир Путин; не спеша, один на один: с Валентином Распутиным, с Василием Беловым, с Юрием Бондаревым, с Александром Прохановым, с Андреем Битовым?

Много чего полезного сказал Владимир Бондаренко, но умом Россию не понять.

Затем на трибуне появился главный редактор литературного журнала «Москва» Владислав Артёмов:

- Падение общего культурного уровня происходит везде, во всех сферах. И в материальной, и в духовной. Это очень заметно в последнюю четверть века. Сравниваю уровень совещаний молодых писателей, скажем, в семидесятые-восьмидесятые годы и в нынешнее время… Деревья и вправду «были выше!» Или просматриваю то, что пишут некоторые выпускники Литературного института, и мне становится грустно. С таким уровнем в наше время выгоняли со второго курса «за творческую несостоятельность»… Понизился уровень требовательности к себе и у самих писателей. Молодые часто пишут абы как, поспешно, второпях..… Вообще литературное творчество в наше время требует некоторого душевного подвига, отречения писателя от страстей сребролюбия и тщеславия.

А потом выступил главный редактор роман-газеты Юрий Козлов:

- Большинство российских толстых литературных журналов находятся на грани остановки издания. Это наглядно иллюстрирует отношение общества к литературе, наконец, состояние самого общества, принявшего «за основу» существования вульгарную, описанную ещё Марксом модель капитализма времён первоначального накопления, когда одна – меньшая – часть населения безоглядно ворует и потребляет, а оставшаяся – выживает и деградирует. Потребляющему и ворующему классу нужна лёгкая, развлекающая литература, типа «женских» детективов, эротических фантазий в духе «Пятидесяти оттенков серого». Выживающему и деградирующему населению вообще литература не нужна. Ему книги не по карману, хватило бы денег на еду и оплату услуг ЖКХ…

Из выступающих поэтов запомнился Роман Эсс. Вот что он сказал:

- Царствует полнейшая безвкусица, кривлянье, пошлятина, мнимый ум, корявые строфы и мелкотемье!.. Новый русский литературный журнал, свободный от членов СП-протекционистов, без единого из них, нужен теперь как воздух всем русским авторам, вынужденным провисать в безвоздушной Сети. Ни СП России, ни МПС, ни Союз российских писателей, догматически замшелые, воняющие тухлятиной, покрытые грибами плесени, гоняющиеся за премиями и должностями в литературе, сухие, безжизненные, формалистические, новой литературы не понимают. Так – они всё больше бронзовеют, ржавеют… и, заметьте, все уходят в небытие, на свалки. Графоманы с билетами СП. Так что истинная новая русская литература сейчас, вероятно, пребывает только в Сети. И в столах.

Было немало ярких выступлений и читателей, в основном с претензией к современным писателям и литературным журналам. Но больше всего мне запомнился один. Он, не скрывая своих эмоций, высказался так:

- Я слежу на протяжении нескольких лет за творчеством Дмитрия Быкова, просмотрел десятки его выступлений, прочитал много его стихов, статей и пришёл к выводу, что его творчество многогранно. Он чертовски талантлив. Я получаю удовольствие от его творчества, вижу его неординарность, наличие гражданской позиции. Я бы даже сказал, что он – гений!

Из зала громко:

- Гением может объявить только Время!

- Всё это впереди. И мой вывод подтверждается вот чем. Открыл в ютубе первый попавшийся ролик со стихотворением Дмитрия Быкова (его читает бесподобный Ефремов) и вижу 1миллион 600 тысяч просмотров…

Из зала:

- У Донцовой ещё больше читателей! Она тоже – гений?!

- Я говорю не о Донцовой. Я хочу спросить у вас: у кого из писателей, сидящих в этом зале, столько поклонников?

Шум в зале. Выкрики:

- Это всего лишь показатель деградации населения!

- Быков – это пятая колонна!

- Не надо тут пиарить Быкова!

Выступающий:

- Надо «бить по шарам, а не по игрокам», а шары – это его творчество. Прочитайте его басню «Рубль и Член»!

Из зала:

- Пошлость никогда не была признаком гениальности!

Выступающий:

- И ещё я хочу сказать вот о чём. Многие со мной не согласятся, но я считаю людей из так называемой «пятой колонны» патриотами покруче многих «записных» типа барина Михалкова, чудаковатых, мягко говоря, прохановых, прилепиных, кургинянов, киселёвых, соловьёвых, востребованных сегодняшней властью в качестве пропагандистов. Их конёк – вранье и право хамить противникам режима. Время поменяется, к власти придут другие, - и они на сто восемьдесят градусов изменят свою риторику. Сегодня они за огромные деньги натравливают народ на эту самую «пятую колонну». Может, благодаря именно литераторам из этой колонны и жива русская литература. Дмитрия Быкова я считаю единственным из сегодня живущих гением от литературы в России.

Выкрики в зале:

- Сколько он вам заплатил за пиар?!

- Выключите микрофон этому!.. – и неожиданно полетела нецензурная лексика.

- Дайте договорить! – не сдавался мужчина у микрофона - Человек умнейший, энциклопедических знаний во многих отраслях и точно профи в литературе. Есть и другие литераторы, которые не позволили встроить себя в вертикаль власти, - поэтому и попали в опалу. А все эти «лауреаты» и «патриоты» в кавычках не настолько талантливы, насколько проворны. У нас, об этом здесь уже говорилось, к сожалению, власть не интеллигентна. Путин не замечен в любви ни к театру, ни к поэзии. Во всём, оказывается, враги виноваты! Вернёмся, однако, к поэзии. Был у них там министр Улюкаев, печатали часто, а потом посадили. Ещё у одного министра любовница долго находилась под домашним арестом и всё стишки кропала. Я хочу спросить вас, да, вас, кто допускает выкрики в мой адрес, эти люди способны изменить что-то в экономике, литературе, в мире к лучшему?! – оратор отчаянно махнул рукой и покинул трибуну.

От его выступления у меня осталось двойственное впечатление. И я ещё раз убедился, что борцы за правду часто действуют по наущению лжи. Хотя в чём-то он и прав.

И что особенно интересно, выступали даже литературные герои. Особенно меня поразил Василий Тёркин. Он вышел на трибуну и сразу стал обвинять Твардовского в том, что тот написал поэму «Василий Тёркин на том свете», которая, по его словам, является клеветнической, фактически пасквилем на советский строй. А в конце своей речи Тёркин обвинил поэта: что, мол, пока солдаты миллионами умирали на фронте, Твардовский все четыре года прятался в тылу. Причём Тёркина поддержал Алексей Толстой, который сидел в президиуме и вёл собрание. И даже спросил Твардовского, что тот может сказать по этому поводу?

Александр Трифонович (он сидел в первом ряду) встал с места и сказал:

- Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, не сумел сберечь, -
Речь не о том, но всё же, всё же всё же…

Не вовремя я проснулся - когда голосование ещё не началось.

Всё-таки интересно было бы узнать: каковы итоги голосования?

- Да-а… Что только не приснится, - сказал Николай Константинович, взглянул в окно и добавил: - Ладно, пора собираться. Вон уже окраины Москвы. Скоро выходить…

НЕВЕРОЯТНАЯ ВСТРЕЧА В МОСКВЕ

В клубе автозавода «Москвич» происходило невероятное: Антон Павлович Чехов встречался с героями своих литературных произведений. Это был настоящий праздник для всех, а настоящие праздники, как известно, в календарях не нуждаются.

К указанному культурному заведению подкатывали одна за другой иномарки, иногда подъезжали автобусы – и площадка перед входом в фойе клуба стала заполняться людьми. Приезжали не только чеховские литературные герои. На классика жаждали посмотреть и послушать его литераторы, известные политики, актёры, читатели… всех и не перечислишь.

Те, кто был знаком с Чеховым или считал, что вправе пожать руку Антону Павловичу, сразу же подходили к нему, чтобы поприветствовать, а потом следовали в фойе клуба. Возле писателя долго никто не задерживался, потому что за спиной каждого из них уже стояли те, кто желал выразить своё почтение герою сегодняшнего дня.

Описать все встречи невозможно, да и нет смысла. Мы остановимся только на тех из них, которые, по нашему скромному мнению, могут вызвать интерес у читателей.

Вот к писателю подошёл бывший президент Украины Виктор Фёдорович Янукович и, улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия, сказал:

- Рад приветствовать великого украинского поэта!

- Господин Янукович, вы назвали меня великим украинским поэтом. А что вы скажете о Гоголе?

Виктор Фёдорович на мгновение задумался и ответил:

- Ну… Гоголь – мой любимый поисковик.

Окружающие, кто услышал эти слова, захихикали. А Янукович понял, что ляпнул что-то не то, и спешно отошёл в сторону от писателя-классика.

Когда к Чехову приблизился экзекутор Иван Дмитриевич Червяков, Антон Павлович сразу узнал его и воскликнул:

- Червяков! Ты ли это?! Голубчик мой! Хорошо помню, как я, будучи совсем молодым, писал рассказ «Смерть чиновника»…

- Такие люди, как я, бесследно не исчезают, - назидательно высказался Червяков, небрежно, как бы делая одолжение, протянул руку и добавил: - Как видите, я жив и здоров. И я уже давно не экзекутор, поднимайте гораздо выше. Я – государственный советник Российской Федерации 1 класса.

Сатирический чёрт дёрнул Чехова за язык, и он съязвил:

- Прошу вас, ваше превосходительство, принять уверения в моём весьма высоком к вам уважении.

- Ну что, Антон Палыч, сегодня не очень-то вас читают, - усмехнувшись, промолвил Червяков. - Прошёл, как говорится, срок годности ваших текстов…

Червяков хотел ещё что-то сказать, но февральский морозец сделал своё дело – и неожиданно для себя государственный советник… громко чихнул.

Достал платок, вытер губы, извиняться не стал. Решил, что цели своей достиг: все увидели, что он теперь не какой-то там экзекутор. Без лишних слов повернулся и с чувством собственного достоинства в своём мундире государственного советника Российской Федерации 1 класса важно проследовал к служебному автомобилю «BMW».

Не спеша сел в машину. Водитель включил мигалку, установленную на крыше автомобиля, и резво тронул с места.

Ещё через несколько минут Чехов закончил кратковременное общение с Любовью Раневской, Леонидом Гаевым, Ермолаем Лопахиным и предложил им пройти в фойе клуба, так как в его сторону уже направлялись другие гости, и каждому надо было уделить хотя бы минуту внимания.

Эти литературные герои были особенно дороги Антону Павловичу. Он внимательно посмотрел вслед Раневской – и вдруг услышал, как рубят вишнёвый сад.

Звук топоров очень быстро смолк, и Чехов подумал: «Что же я забыл спросить у них, как там студент Трофимов?». Если бы он поинтересовался, то узнал бы, что Трофимов , являясь членом Национал-большевистской партии, осужден вместе с Эдуардом Лимоновым и отбывает наказание.

Антон Павлович уже заканчивал мимолётный разговор с подошедшим к нему учителем гимназии Буркиным и ветеринарным врачом Иваном Ивановичем. И в этот момент мимо них проследовал Беликов по прозвищу «Человек в футляре». Беликов боялся заболеть коронавирусом, при общении всегда соблюдал дистанцию два метра и старался иметь как можно меньше контактов.

Когда Чехов увидел на лице Беликова респиратор, а на руках - резиновые перчатки синего цвета, он обратил внимание на этого человека и из его уст вырвалось:

- А это что за чудо?

- Антон Павлович, вы что, не узнали? Это же Беликов, - сказал Буркин.

- А-а, да, да… - согласился писатель. – А он совсем не изменился.

- Ну что вы от него хотите? – посмеялся Буркин. - Человек в футляре.

- А разве то, что мы живём в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не

футляр? – возмутился Иван Иванович. - А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?

Увидев, что к писателю спешит располневший человек, несущий в руке, видимо, торт, учитель гимназии и ветеринарный врач проявили такт и поспешили удалиться.

Подошедшим оказался Николай Иванович Чимша-Гималайский, в его глазах светилась радость. Чехов был уверен, что его подопечный держит в руках торт. «Зачем он пришёл с тортом?» - подумал писатель и задал вопрос:

- Что это у вас в руках?

- Это, Антон Павлович, крыжовник. Очень, очень вкусный. Да вы попробуйте, попробуйте, - и он уже начал открывать коробку.

- Не надо, не надо, спасибо, - воспротивился Чехов и предложил: - Проходите в фойе клуба. Там теплее, чем на улице.

Глаза Николая Ивановича были наполнены счастьем, восторг охватил его лицо, он хотел что-то сказать ещё, но Чехов показал рукой направление, куда надо идти. И Чимша-Гималайский безропотно подчинился.

При виде этого счастливого человека у Антона Павловича упало приподнятое настроение. Им овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию.

Всё повторяется, изменяясь до неузнаваемости. Неожиданно, гремя бубенцами и взвивая вихрем снежную пыль, подскочила пара с пристяжной на отлёте и Артыновым на козлах вместо кучера. Лошади встали как вкопанные. К ним подбежал уже ожидавший их Модест Алексеевич и помог Анне выбраться из саней, а «кучеру» - соскочить на землю.

Артынов поддерживал Анну за локоток. За их спинами плёлся Модест Алексеевич; кроме Анны второй степени, он уже успел получить орден «За заслуги перед Отечеством» 4 степени.

Песцовая шуба Анны была расстегнута нараспашку, и в глаза бросалось глубокое декольте. Артынов что-то шептал спутнице – и она смеялась. После его слов: «Декольте придумали мужчины по просьбе женщин», Анна рассмеялась ещё громче.

Не обращая ни на кого внимания, в том числе и на Чехова, все трое направились к зданию клуба. Артынов, улыбаясь, продолжал что-то говорить Анне, а она хохотала ещё громче.

Что можно сказать, наблюдая эту сцену? Не так страшен хомут на шее, как невозможность его снять.

Когда Антон Павлович почувствовал, что февральский морозец всё настойчивее крадётся к его телу, а холодный ветерок усилил своё дыхание, он зашёл в помещение клуба и проследовал в кабинет директора. Там снял пальто и протёр запотевшее пенсне. На публике он неизменно появлялся в костюме и при галстуке-бабочке. Так было и сегодня. В сопровождении директора клуба Чехов направился в фойе.

Когда проходили по узкому коридору, директор показал пальцем на одну из комнат и сказал:

- А здесь у нас была очень хорошая библиотека.

- А почему была, а не есть? – удивился Антон Павлович и остановился.

- Завод стал разваливаться, должность библиотекаря сократили, денег на приобретение книг ни копейки…

- Храм для верующих в художественное слово закрыт?

Директор в ответ только пожал плечами и, как нашкодивший юнец, почувствовал себя виноватым перед выдающимся писателем, который стоял рядом с ним. И это не удивительно: чувство вины чаще испытывают те, кто ни в чём не виновен.

- Да-а.. – возмутился Антон Павлович, - я не знаю, куда мы идём... И время покажет не только то, куда мы идём, но и то, от чего отказались.

До фойе они шли ещё несколько минут, и никто не проронил ни слова.

Фойе было уже переполнено гостями, но в зал пока никого не приглашали.

Чехов написал более пятисот произведений, и его многие литературные герои находились здесь. Вон показалось лицо дяди Вани, который собирался стать гением, но вся его жизнь ушла на сборы. Это он в отчаянии воскликнул: «Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел… Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский…».

А вон стоит и тяжело дышит располневший Старцев, больше известный как Ионыч. Ему в жизни уже ничего не интересно, он даже перестал играть в винт. И лицо Кати, в которую когда-то был безумно влюблён, совершенно забыл.

Чуть правее промелькнула фигура Андрея Ефимыча Рагина, который до сих пор своим образом жизни учит всех, как не попасть в «Палату №6».

Недалеко от него золотых дел мастер Хрюкин показывает забинтованный палец полицейскому надзирателю Очумелову и что-то говорит ему. Теперь его кусанула собачка той женщины, которую Чехов назвал «Дама с собачкой». На сей раз Хрюкин не тыкал окурком в морду собачке, а всего лишь попытался потрогать её за нос. Кстати, и хозяйка собачки тоже где-то здесь.

Перечислить всех героев, толкущихся в фойе, невозможно. Тут были: полицейские, портные, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, врачи, чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне, генералы, инженеры, конокрады, купцы, солдаты, судебные следователи, профессора, пастухи, адвокаты и представители ещё очень многих профессий.

Одни из них в погоне за деньгами потеряли то, что за деньги не купишь. Другие, являясь рабами больших денег, мнили себя рабовладельцами. Третьи не всегда находили шанс оставаться человеком. Четвёртые не уяснили: чтобы излечиться от невежества, нужно самому стать врачом. Кто-то из них не понимал, что жизнь учит только тех, кто склонен к самообразованию, и что каждый человек кузнец своих глупостей. Кто-то не сообразил, что любовь с первого взгляда – это часто обман зрения. А кто-то из мужчин подарил женщине крылья – и она улетела от него… Здесь нет ни одной жизни без ошибок, но есть много жизней без работы над ошибками.

Но у всех этих героев есть общее: они не научились жить – поэтому соглашаются на существование. Их жизнь – это несовершённый подвиг.

Антон Павлович, получив профессию врача, учился лечить не только больного человека, но и - больное общество.

И в этом деле литературные герои были его надёжными помощниками. Да, он не вылечил общество, но безошибочно установил диагноз.

Присутствовали тут и актёры. И это не удивительно: произведения писателя экранизировались более двухсот раз.

Как бывает в таких случаях, одни бродили по фойе, создавая броуновское движение; другие собирались кучками по каким-то, не понятным даже им самим, принципам. Все разговоры, естественно, были о Чехове.

Вон в углу стоит «дядя Гиляй» - известный репортёр Владимир Алексеевич Гиляровский, которого обступила группа современных литературных критиков. Зная, что Гиляровский дружит с Чеховым, они задавали ему много вопросов. Отвечая на один из них, он сказал:

- Однажды я приехал к Антону Павловичу в Крым и в ходе общения поинтересовался, почему он не ответил на мою открытку, где было всего четыре строчки. А строки такие: каламбуром не избитым удружу – не будь уж в гневе: ты в Крыму страдал плевритом, мы на севере – от Плеве. Антон Павлович ответил, что послание до него не дошло, и добавил: «Открытка твоя, наверное, пригвождена к делу приставом Гвоздевичем».

Кто-то негромко посмеялся, кто-то улыбнулся.

Гиляровский прервал беседу и решил пройтись по фойе в надежде найти Чехова. Недалеко от буфета он услышал голос Антона Павловича:

-… Своими произведениями я хотел только честно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живёте…

«Дядя Гиляй» остался доволен, что Чехов покинул холодную улицу, не стал мешать общению писателя со своими литературными героями и проследовал дальше. Поздоровался с Николаем Некрасовым и Александром Куприным, раскланялся с Игорем Северянином и очутился рядом с очередной группой посетителей. И тут его взгляду открылась следующая картина.

Начинающий писатель Павел Бурлеев громко сообщил, что он написал книгу рассказов о Чехове и добавил:

- Причём каждый рассказ состоит всего из 4-5 предложений. Хотите послушать?

Не получив ответа, он продекламировал:

- Рассказ называется «Чехов и больной». Как-то один больной пришёл к Чехову и говорит, что у него и зубы болят, и голова болит, и рёбра болят, и суставы болят, и в глазах темно, и в пальцах слабость. «А фамилия ваша какая?» - с готовностью помочь спросил Чехов. «Не скажу», - ответил больной и убежал. Тогда Чехов плюнул и написал рассказ «Лошадиная фамилия».

Некоторые из слушателей похихикали.

- Вот видите, вам рассказ понравился, - с чувством глубокого удовлетворения высказался Бурлеев и спросил: - А никто из вас не может мне посоветовать, какое издательство могло бы напечатать книгу моих рассказов о Чехове?

- Я слышал, что подобные книги выпускает один издатель здесь, в Москве, - сказал худощавый мужчина и протиснулся ближе к начинающему писателю.

- А не подскажете адрес? – ещё больше оживился Бурлеев.

- Его адрес я не знаю, а вот фамилия его… - мужчина запнулся. - Хотел быстро сказать – и забыл… какая-то чудная… обозначает что-то среднее между мужчиной и женщиной… в общем, не мужчина, не женщина…

Из толпы посыпались подсказки:

- Может, Бисексуалов?

- Гермафродитов?

- А может интерсексуалов?

- Гендеров?

- Вспомнил! Вспомнил! – воскликнул худощавый мужчина. – Его фамилия Недядько. Его ещё там зовут «ни дядька, ни тётька».

- Вот спасибо, дорогой мой человек, вот спасибо, - порадовался начинающий писатель. – А уж адрес-то его я сам найду.

А в центре фойе стоял Михаил Михайлович Пришвин, которого окружила группа актёров. Он им внушал:

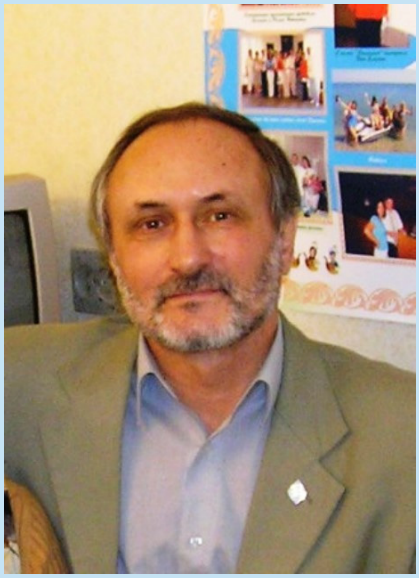
- Чехов – поэт нежнейших прикосновений к страдающей душе человека. Читая Чехова, становится стыдно позировать. Антон Павлович своим искусством даёт нам образцы поведения, он в числе десяти, двадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. В наше время героических требований к личности, Чехов – яркий представитель нашего русского родного дома – каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет…

Напротив Пришвина на стене висел большой портрет Чехова, который написал Осип Эммануилович Браз. Казалось, что писатель внимательно слушает, что о нём говорит собрат по перу. Ниже портрета можно было прочитать слова Константина Сергеевича Станиславского: «Антон Павлович – самый большой оптимист будущего, какого мне только приходилось видеть. Он бодро, всегда оживлённо, с верой рисовал красивое будущее нашей русской жизни».

Массивные дубовые двери в зал распахнулись. И толпившиеся в фойе гости не спеша направились в громадное помещение, с потолка которого свисала как неопознанный летающий объект массивная люстра.

Яков ШАФРАН

Тула



Шафран Яков Наумович родился в 1950-м году. Два высших образования: в 1973-м г. окончил Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет) по специальности «Двигатели летательных аппаратов» и в 1998-м Высший психологический колледж (ныне Высшая школа психологии) по специальности «Практический психолог». Литературный стаж с 1986-го г. Автор восьми книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», член редакционных советов ряда изданий. Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР.

ДУШОЮ Я ТАМ

Если мне было хотя бы лет пятьдесят, вместо семидесяти двух, то я был бы там, на фронте освободительной войны. Позвольте представить вам небольшой цикл из трёх стихотворений, в котором я попытался выразить чувства, какие бы испытывал, нахо-дясь там.

***

Под Херсоном на сером рассвете
Я в дозоре, за мною страна.
Там далече живут мои дети,
Моя мать, в ожиданье жена.
Там мальчишки в мечтах о герое,
Там земля, мне родная, леса,
И берёзы, и небо родное,
В белом храме моём образа.
Здесь — кто верит, что мы не покинем
На глумление зверю-врагу.
Впереди — те, кто ждёт в вязкой стыни,
Не желая припасть к сапогу.
Вспоминаю родную девчонку,
Что встречала у дома солдат,
И в руке её Божью иконку,
И доверчивый, любящий взгляд.
Вспоминаю старушку, что вышла
С красным знаменем встретить своих,
Поднимая его выше-выше,
За себя, старика, за двоих.
И за мирных убитых так горько —
При отходе, под натиском, в тыл, —
Всё понятно, душа плачет только,
Словно сам ты тогда их убил…
И опять, если дрогнем, отступим,
Там начнётся физический ад —
Их обычный: кровавый, преступный —
Скольких звери-садисты казнят.
Под Херсоном на сером рассвете
Я в дозоре, за мною страна.
Дети-ангелы просят ответить.
С Неба павшие смотрят на нас.

***

В Новороссиикончилась осень,
Опалённая степь до Днепра,
Что у неба давно уже просит
Тишины на земле и добра.
Тут покоя нет денно и нощно,
Сама смерть тут кружит над землёй,
Враг идёт неустанно и мощно,
Наполняя её чернотой.
Но боец свой окоп не покинет —
За спиной его дети и дом,
Что в посёлке, под красной рябиной,
Над большим синеоким прудом.

Побывать хоть минутку бы дома —
На любимой, родимой земле —
И услышать приветливый гомон
Детворы, что нет в жизни милей.
Но здесь кровью политое знамя,
Здесь друзья погребённые спят.
Здесь земля, возвращённая нами,
Старики нас встречают у хат.
А вдали, в той земле за рекою
Русский брат избавления ждёт,
Постоянно, не зная покоя,
Ждёт и верит какой уже год.
Потому, ни на что не взирая,
Под ракетами, под артогнём,
Наш боец свой окоп не бросает —
Начеку он и ночью и днём!

***

Рядом фронт, я у самой границы,
И в руках у меня автомат.
В небесах — перелётные птицы,
А на нас только мины летят.
А на нас сотни тысяч войною
Тут идут одурманены мглой.
И лежат сотни вёрст между мною
И далёкой родимой землёй.
Там давно уже снег и морозы,
Тут в окопах не выручит гать.*
И тоскует душа по берёзам,
И по близким тоски не унять.
Смерть тут ходит и смотрит бесстрастно,
Невзирая на должность и стать.
Умереть не боюсь, но напрасно
Не хотелось бы в битве пропасть.
Мне оружье вручила Россия,
И нацистам вовек не пройти.
Верю, больше не будет насилья,
Только светлая жизнь впереди.
Не помогут врагу иноземцы,
Их бравада, увы, недолга.
Потому не волнуется сердце,
Потому будет крепкой рука.

* Гать — настил через топкое место, трясину.

НИКА*

Герою России и герою ДНР посмертно,
командиру ракетного дивизиона,
полковнику ДНР Ольге Качуре.

Солнца суровый и пристальный взгляд —
С лика печального, в трауре неба.
Зло в этом мире на раз творят —
Был человек, может вовсе и не был…
Женщина видная, ладная, милая —
Ей бы для мужа, семьи — благодать,
Верностью, честью всегда изобилуя,
Встала защитой за Родину-Мать.
И не стрелком, не связисткой, не медиком —
Никой*, ракет обрушающей вал.
Ей бы с фиалок душистых букетиком —
На офицерский, на праздничный бал.
Ей бы… Да что уж теперь… Очень горько.
С глаз незаметно смахнув слезу,
Друг боевой тихо скажет, что только
Жаль, уж не бить им вдвоём ВэСэУ.
Целился враг и коварно, и подло —
Именно Нику сразить наповал,
Меньше чтоб было гарцующих в сёдлах
Песен победных бойцов-запевал.
Но упованье нацистов неверно —
Неповторима! — но вместо одной
Встанут герои России — безмерно,
Смело и умно ведущие бой.
Солнца суровый и пристальный взгляд,
Небо печально, и в трауре лики.
Русский улыбке её так был рад,
И сохранит, ибо подвиг великий!

* Ника — древнегреческая богиня победы.

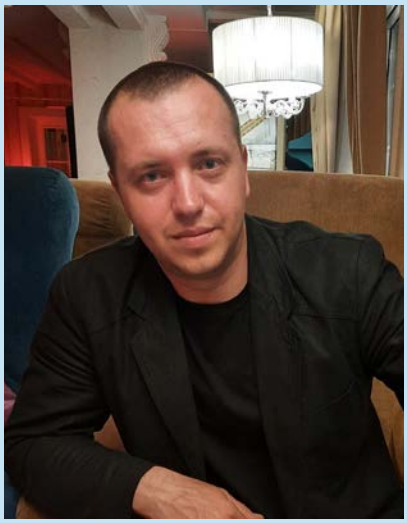
ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ЗА ЧТО УМИРАТЬ

Есть ли за что умирать нам в России,
Есть ли за что свою жизнь отдавать?
Есть! Когда враг свои тёмные силы
Вновь направляет на Родину-Мать.
За́ всех убитых, ни в чём не повинных,
Взорванных в клочья чуть живших детей,
Земли цветущие, ныне пустынны.
За́ сохраняющих память корней.
Чтобы наш мир от нацистов очистить,
Всех положений, обличий, мастей,
От палачей, что лютей нет садистов,
Вольно калечащих наших парней.
Есть ли в России за что умирать?
Есть! Когда нужно направить все силы,
Дети и внуки чтоб вновь воскресили
Гордую, славную Родину-Мать!

Август—ноябрь2022 г.

Евгений ХАРИТОНОВ

. Белгород



Харитонов Евгений Николаевич Член союза Белгородских литераторов. Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах: «Берега», «Александръ», «Таврия литературная», «Звезда Востока», «Бийский Вестник», «Краснодар литературный», «Пять Стихий», «Северо-Муйские огни», «Наша Молодежь», «Luterra», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет» и т.д.

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

СВЯЩЕННАЯ БИТВА

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Кто ж знал, что Победу весны сорок пятого
Добыть в этот раз нам придётся самим.

Изрыты окопами тихие просеки,
В пригорки корнями вросли блиндажи.
А рядом, в низине, виднеются носики
Тюльпанов[1], готовых прорвать рубежи!

В землянках ночами, томясь от бессонницы,
Вновь пишут солдаты своим матерям
О том, что Россия врагам не поклонится,
Что смерть не указчица русским парням.

К груди прижимая нательные крестики,
Пойдут поутру штурмовать города.
Ах, только бы мамам слова «пропал без вести»
На почте прочесть не пришлось никогда.

В лесах не отыщешь брусники с опятами,
Здесь выжжено всё от снарядов и мин.
Но в битве священной с врагами заклятыми,
Как деды и прадеды, вновь Победим!

[1]«Тюльпан» — советский 240-мм самоходный миномёт.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

Петухи заре пропели.
В будке дремлет старый пёс,
Как ребёнок в колыбели.
Из какой-то тёмной щели
Тени высунули нос.

Эти тени, словно души
Тех, кому уж не помочь.
Что ж вы лезете наружу?
Кто-то рвёт соседа груши.
Пёс сопит. Деревня. Ночь.

ПТАХА

О чём поёшь так грустно, птаха,
Присев под окнами на ель?
Уж не о том, что в Волновахе
Гнезда не свить тебе теперь?

О том, что некому в Попасной
Тебя с ладони угостить?
И мест в Херсоне безопасных
Отныне нет, чтоб погостить?

Такая боль в твоём вокале,
Что просто за душу берёт!
Любой, кто выжил в Соледаре,
Тебя, голубушка, поймёт.

Кто чудом спасся от осколков,
Кого вернул на землю врач,
Чей дом стал грудою обломков –
Услышат в пенье горький плач.

Жаль, нет на свете троп окольных,
Где б нам не выдалось тужить.
Теперь и звоном колокольным
Твой птичий крик не заглушить!

Лети, родимая, по свету,
Неси печаль свою и грусть.
И кто б не слышал песню эту,
Пускай помолится за Русь.

В ИНЕЙ РЯЖЕНЫЕ ИВЫ

Птичьи гнёзда незаметно опустели.
Лесом сброшены осенние костюмы.
Вновь пушистые, крылатые метели
Украшают мир в серебряные дюны.

Реки шустрые уснули подо льдами,
Заглушив свои журчащие мотивы.
А над ними, не поладив с холодами,
Загрустили в иней ряженые ивы.

Обожгли своим дыханием морозы
Ив плакучих обескровленные веки.
И в кристаллики закованные слезы
Осветили обездвиженные реки.

РОССИИ ВЕРНЫЕ СЫНЫ

Всё чаще снится мне ночами,
Как суд вершить над палачами
В эпоху яростной войны,
Шагают русские сыны.

Над каждым свет струится Божий,
А под одеждою на коже
Ведёт их с верой в бой смертельный
Броня Господня – крест нательный.

И вновь, рассветом пробуждённый,
Смотрю на день новорождённый,
А в нём свои же вижу сны –
Идут в объятия войны
России верные сыны.

ОСЕННИЙ КОНЦЕРТ

Всё-таки смолкла звенящая музыка лета,
Жаль, не хватает на год у неё волшебства.
Кружится в танце с чарующей ноткой балета
В рыженьких юбках, гонимая ветром, листва.

Липкий туман меж домами повесил кулисы,
Видимо осень готовит вечерний концерт.
Окна оближут дожди, пробежав по карнизам,
Будто бы марки, что клеят потом на конверт.

А поутру горизонт улыбнётся восходом
С ярким румянцем на солнечных пышных щеках.
И задымится земля, как труба парохода,
Снова купаясь в упавших лучах-лепестках.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

По земле, где нет целых домов и мостов,
Мы идём в окружении чьих-то крестов.
Здесь с годами померк на табличках окрас,
Словно взгляды людей, не дождавшихся нас.

Вот парнишка лежит девятнадцати лет,
Годы жизни видны, фотография – нет.
Рядом с ним по бокам два убогих креста,
Слева мама, а справа... табличка пуста.

А на этой могиле, заросшей травой,
Улыбается с фото, совсем как живой,
Белокурый старик, сто морщинок на лбу,
Будто рад, что зашли на могилку к нему.

В те минуты и сам вспоминаешь отца...
Вновь могила и надпись: «Стоял до конца!»
Это брат наш погиб, выполняя приказ,
Жизнь отдав за меня, за тебя, за Донбасс!

Сердце вырваться хочет из крепкой груди,
Если взгляд, как нарочно, сумеет найти
Среди этих, кому-то угодных смертей,
Чуть заметные холмики павших детей.

В этот миг просыпается дикая злость,
Лезет к горлу, застряв поперёк, словно кость.
И за души детей про себя помолясь,
Мы шагаем вперёд сквозь метели и грязь

По земле, где нет целых домов и мостов,
Ощущая все взгляды сутулых крестов.
И, наверное, каждый подумал не раз:
Сколько Бог тех крестов приготовил для нас?

ПОСЛЕДНИЙ КРИК ОСЕНИ

Стоял ноябрь. И днём и ночью
Листвой увядшей кровоточил
Безбрежный мир в его руках.
С холмов спустился весь в мехах
Туман седой и мрачноватый,
Как пёс опасливый, лохматый,
Лишившийся своих цепей,
Свободы жаждущий теперь.
И той свободой окрылённый,

К земле, листвою опалённой,
Прижался ветреной душой.
И мир, до этого большой,
В его объятьях растворился –
Так утром мне туман явился
В своём обличие густом,
Виляя радостно хвостом.
Но нрав осенний переменчив:
Порой он робок и застенчив,
Порою пылок и строптив,
То он свиреп, то он игрив.
Капризна осень, как дитя!
Вдруг за окном увидел я –
Проснулись яростные ветры,
Склонив к земле рябины, кедры,
А пса, что мне вилял хвостом,
Секли невидимым хлыстом.
Туман по улице метался,
Сбежать отчаянно пытался
От гнева явленных врагов.
Я сделал несколько шагов
К своей двери, открыл и вижу –
Туман ко мне всё ближе, ближе,
Рукой схватился за косяк
И, обезглавленный, иссяк.

Я дверь закрыл, унынья полный,
Но слышал, как за ней упорно
Свистел свирепый хлыст ветров,
Рубя, похлеще топоров,
Деревьев высохшие ветки –
Коварной осени объедки.

Когда закончится всё это?
Зачем вообще уходит лето
С его невинной чистотой?
Где лес с щетиною густой
Пленит невольно песней птичьей.
Где неба синего величье
С весёлой зорьки до зари
Весь бренный мир боготворит.
А что сравнимо с летним лугом,
Где травы шепчутся друг с другом
Вдали от шума и суе́т,
Смакуя солнца тёплый свет?
Ах, летний день, как кот мурчащий!
Бежит себе ручей звенящий,
Бросая брызги-жемчуга
На заливные берега.

Утих ветро́в порыв бесстыжий.
И двор, листвой укрывшись рыжей,
Молчал, дыханье затая,
Пленённый властью ноября.
Как будто ждал, покорства полный,
Ветро́в осенних гнев повторный.
Но зря терзали опасенья,
То был прощальный крик осенний!
Настало время чар и нег –
С небес сорвался первый снег.

МОТЫЛЬКИ

Бабка, руки сложив на груди,
Снова деда войною пугает:
«Украине полмира, поди,
Воевать против нас помогает.
Польша, немцы.. Одни мудаки!
Как теперь их поставить на место?»
Дед ей: «Видишь, летят мотыльки
На зажжённый фонарь у подъезда?
Бьются лбами, глупцы, с фонарём.
Так в сражении ночь пролетает.
Только дворник тела день за днём
Мотыльков тех метёлкой сметает».

Евгений СТЕПАНОВ
Москва

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Стихотворения из готовящейся книги
«ПРЕОДОЛЕНИЕ»

ВСЕ, ЧТО ИМЕЮ

Я, как взрывчаткою шахид, бедой, проблемами обвязан.
Война гремит, душа болит. Но жить я все-таки обязан.
Обязан выдержать накал страстей и битву за идею,
Ведь я покуда не раздал все, что имею.
2022

ЧАСЫ

Я знаю: я не смог. Простите человека!
Не снег сбивает с ног — исчезновенье снега.

А время прет, как танк, мои седеют патлы.
Все так — тик-так, тик-так стучат часы, как дятлы.

Я не Мафусаил, ну что же здесь такого?!
Родился — и забыл, скончался — вспомнил снова.

Все так — часы спешат, стучат часы с кукушкой.
А мир гремит, как град, как мальчик с погремушкой.
2020

ТУТ-И-ТАМ

«Услышать будущего зов».
Борис Пастернак

Спешишь, спешишь… Бежишь, как мышь
От страшного котищи злого.
Какая разница – Париж,
Нью-Йорк, Бат-Ям или Быково,
Когда сто лет в айфон глядишь,
Не слыша внеземного зова?

Все – т а м, а тут – аэродром,
Дурдом, погром и море водки,
И годы странствий за бугром,
И цели не ясны, не четки,
И будь готов, скрипя пером,
К п о с л е д н е й эмигрантской ходке.

А т а м – три тысячи имен
Родных и дорогих особо:
Эмиль, Татьяна, Слава Лен,
И Тимофеевские (оба),
И та, в которую влюблен
Я буду, как пацан, до гроба

(И после), это факт, а т а м
Иная у людей программа,
Не дремлет внеземной ашрам,
И алкоголя нет ни грамма,

И ходит по цветным лугам
Моя задумчивая мама.
2022

ПУТЬ

Так мужик западает на запах и движется к цели —
К этой узенькой щели, которая сводит, как герыч, с ума.
Так язык добывает сахар из леденца-карамели,
Так барсук волочит колосья в барсучьи свои закрома.

Так бежит, точно стайер, в тонюсеньком теле берёзы
Не берёзовый сок — венценосно-друидная кровь.
Так Христос-человечество, не убоявшись угрозы
Князя тьмы, — улыбается, строит добротный кров.

Так становятся плотью идея и ткань неживая,
Оживает, что было утраченным и неживым.
Так душа, повзрослев и ничего-ничего не желая,
Все-таки хочет общенья, и общенья желательно с Ним.
2017

ИНОГДА

Я микрокосм, песчинка, сбой программы,
Не важный босс, но черноземный смерд.
Я не умею жизненные драмы
Преображать в мелодию и свет.

Мой интеллект, не отрицаю, куцый.
Респект и уважуха мудрецам.
Я не фанат новейших конституций
И в темноте, как светоч, не мерцал.

Но иногда, когда мне говорила
Моя любимая, любя, а не коря,
Что все же я не конченый дурила,
Тогда я думал, что живу не зря.

И вот тогда я мог свернуть и горы
И клал с прибором на босяцкий быт,
И с Богом вел неробко разговоры.
Но я надеюсь, Бог меня простит.
2015, 2021

БАБОЧКА БРЭДБЕРИ

И превращается в мурло
Лицо — бессовестно и шустро.
— Вранье-предательство-бабло, —
Сказал бы нынче Заратустра.

И зреет взрыв, и млеет тля,
Не обделенная клыками.
И возмущается земля
На фене пламенных цунами.

На фоне каменных палат
Растет сорняк неимоверный.
А бабочка порхает над
Добром и скверной.
2017

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Из песни моряка и света маяка
Рождаются корабль и сила капитана.
Из боли и греха рождается строка,
Из воли и стиха рождается нирвана.

Нирвана – хорошо. А все-таки готовь
Себя к тому, что жизнь сгорает, как полено.
Из долгих-долгих лет рождается любовь.
Влюбленность побыстрей, рождается мгновенно.

Влюбленность не любовь, сомнений в этом нет.
Влюбленность иногда опаснее, чем бритва.
Из серых горьких дней рождается памфлет,
Из веры и любви рождается молитва.

Жизнь можно обмануть. Но сколько ни мухлюй,
Не облапошишь смерть, то смертным не по силам.
…А на щеке моей остался поцелуй,
В о л ш е б н ы й поцелуй – его не смоешь с мылом.

А значит – стоит жить, а значит – жизнь права.
Хоть эта правота не сказки Голливуда.
Из нежности моей рождаются слова.
Из нежности твоей – спасение и чудо.
2021

ЗДЕСЬ

«Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому».
Николай Заболоцкий

Я изменял себе, позорнее измен,
Прав Заболоцкий, нет, и не бывало сроду.
А колокольный звон похож (дин-дон) на дзен.
А мой невольный стон понятен небосводу.

Я умер. Я воскрес – в щекастом малыше,
Который баламут, затейник и задира.
…Никто и ничего не знает о душе…
А дачная трава читает «Розу мира».

Читает и молчит. Рукастый юный клен
Беседует с большой налившейся березой.
Клен пробует взлететь, он, как поэт, влюблен.
И говорит, шельмец, стихами, а не прозой.

Малыш глядит вокруг. Он агнец-и-тиран.
Он дачник, он идет вдоль пихтовой аллеи.
В дальнейшем он пройдет немало вьюжных стран.
Ну а пока он здесь. Здесь лучше. Здесь теплее.
2022

РАЗГОВОР

— Иные манят горизонты,
Иным дорожу калачом.
— О чем ты, скажи мне, о чем ты?
— Да так, ни о чем.

— Иду — так шагают солдаты,
Когда наступает беда.
— Куда ты, скажи мне, куда ты?
— Да так, никуда.

— Живу, записавшись в аскеты,
Не радуясь магарычу.
— А с кем ты, скажи мне, а с кем ты?
— О том промолчу.

2017

ЖИЗНЬ-ЗИМА

Г. К.

Невыразима жизнь-зима,
И падают снежинки с неба.
А мне дается задарма
Восторг быть родственником снега.

Не дремлют сосны и дубы
И ждут весны неутомимо.
И рвутся ввысь стремглав клубы
Печного чувственного дыма.

И долбит дятел: тук-тук-тук,
Коты болтают по смартфонам.
А я смотрю, смотрю вокруг
И чувствую себя влюбленным.

Влюбленным в эту круговерть,
Которой не бывать иною.
А жизнь и смерть, а жизнь и смерть
Целуются, как муж с женою.

2017

И ТАКОЙ

Достоинств хилая дружина
Была разбита в пух и прах.
Сама себя впотьмах душила
Душа, уставшая в боях.

Я погибал — так гибнет юнкер,
Узнав, что знамя сожжено.
Я умирал — но я не умер,
Как дачу, обживая дно.

И грешный, точно нувориши,
Забывший про слова любви,
Я вдруг услышал голос Свыше:
— Ты нужен и такой. Живи!

2017

ПАМЯТИ АХМАТОВОЙ

Что скрыто за фасадами гламура?
Об этом и не скажешь напрямки.
Когда б вы знали из какого сюра
Растут роскошные особняки!

Пускай растут! Не наше это дело.
А наше дело — сердце не беречь;
Что осенью листва прошелестела,
Оформить в человеческую речь.

А наше дело — суть, а не детали,
А наше дело — ручка и тетрадь;
Что по весне скворцы прощебетали, —
Пролепетать.

2020, 2021

Николай ЕРЁМИН

Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник поэзии «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты». Лауреат премии «Хинган», «Нефритовый Будда» и «Сибирский Лев» (2019г) Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ .

ХОРОШИЕ ПРИМЕТЫ

***

«Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд
Борис ПАСТЕРНАК»

Февраль стихами Пастернака
Достал меня…К весне, однако!
…Капель –Хорошая примета –
Зовёт утрами на край света…
И я – отзывчивый –за ней -
Ах, «чем случайней, тем верней» -
Пою, лечу –за солнцем вновь –
Туда, где счастье и любовь…

***

- Как хорошо,что близится весна!
И что в душе и вне – её приметы…
И очень выпить хочется вина…
И сочинять стихи…Ой, Муза, где ты?
- Как – где?Очнись, мой Муз и господин,
Я только что сходила в магазин!

ЕЁ СТИХИ

Её стихи –желание любви
Божественной и страстно-бестелесной…
Она одна – такая - меж людьми:
Поёт стихи –и нет её прелестней…
О, верить в непорочное зачатие
И петь о нём –хорошее занятие!

МИРАЖ о ПУШКИНСКОЙ ОДЕССЕ

«Я жил тогда в Одессе...
Александр ПУШКИН 1823 год»

Ну да,я жил тогда в Одессе,
Печатался в одесской прессе…
И с одесситкоюдружил…
И дружбой очень дорожил…

Полнывесёлой чепухи
Одесские мои стихи…
О, Молдаванка!О, Привоз!
Над морем – солнечный откос…
Как вы живётебез меня,
Вспоминания храня?

В Сибири – морок и мороз…
И нет ответа на вопрос…
И нет возврата –крут маршрут –
Из глубины Сибирских руд…

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

Художник играет на скрипке -
Такая в душе благодать…
Ни музыки, ах, ни улыбки
Не может мой друг удержать…
Пока я рисую – в ответ –
Его вдохновенный портрет…
И нам помогает мольберт
Раскрыть вдохновенья секрет…

***

Как хорошо, разбередив фантазию,
Идти и ехать из Европы в Азию…
О, миражей волшебные минуты!
О, Шамбала, счастливая страна,
Хоть нет тебя на карте почему-то,
Во сне и наяву ты мне видна...

***

Я возник из ничего,
Всюду, раз и навсегда, -
В завершение всего,
Не считающий года…
…Чтоб сказать спешащим в Рай
Или в Ад: - Не возникай!

***

Мы встретились случайно в ноосфере…
Поговорили о любви и вере…
Поверили друг другу…Тили-тили
Пропели… И друг друга полюбили…
Так крепко, что – влюблённые – в астрале
Случайно мы расстанемся едва ли,
Поскольку на земле, на белом свете,
Нам это не позволят наши дети…

***

Ждать у моря хорошей погоды?
Нет! Мне важно – ч т о там, впереди…
Ветер – голос и воля природы –
Дует в спину: - Иди и плыви!
Нет – лети! - Как торнадо, цунами,
Или радостный смерч – над волнами!
И я снова чего-то хочу…Ах, -
Иду… Нет,- плыву,- нет, - лечу!

***

Бах пишет для свирели и органа
И выжимает из меня слезу…
Которую – не поздно и не рано –
И день, и ночь по жизни я несу…
…В надеждах на сирень и на апрель,
Играй, моя весенняя свирель! -
Покуда нас вмещает в пенье хора
Оргазм органный Домского собора…

БАЛТИНУ – 100 лет и ЛИТКУЛЬТПРИВЕТ!
СОНЕТ-БУРЛЕСК

«Александру Балтину пятьдесят пять. Я желаю Александру здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии. Будь моя воля, я бы вручил Александру Балтину медаль Героя труда

Евгений СТЕПАНОВ-поэт, прозаик, публицист, издатель Кандидат филологических наук. Лауреат премии имени А. Дельвига

.***

Ба! Так Балтин – молодой!
И не зря в 55
Скрыл лицо под бородой…
Это надо понимать:

Жизни смысл – в борьбе, в труде,
А вся сила – в бороде!
Значит, сильным неспроста
Будет Балтин лет до ста…

И его – везде, всегда
Ждёт медаль «Герой труда»…
…И Степанов по уму
Копит Премию ему…

Ну, а я – Литкультпривет!-
Александру шлю сонет…

ПЕСЕНКА
Александру БАЛТИНУ

Нас ждёт падение рубля
И доллара подъём?
А мы поём: - Тра-ля-ля-ля… -
И – За здоровье! - пьём.

Пусть извергается вулкан
Там, там – Та-ра-ру-рам! –
Здесь наполняется стакан,
- Урра! - по вечерам...

За восемь бед – один ответ...
Не зря поёт поэт:
- Пускай идёт Парад планет -
И светит Солнца свет!

Жизнь и мгновенна и одна -
На всех, увы и ах…
Звени, гитарная струна!
До встречи в небесах!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Ко мне поэты прикасаются
И поэтессы: - Ай, лю-ли! –
Безумствуют, что называется,
В стихах…И просят: - Исцели
Нас, Чудотворец Николай,
Ведь мы хотим не в Ад, а в Рай…

И я реку: - Чтоб исцелиться,
Вам - нужно замуж… Вам – жениться!

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧАШЕ

«И я один Пустую Чашу пью…
Константин КЕДРОВ 19 мая 2016 г»

***

Все пили, пели, танцевали
На сцене и в огромной зале…
В театре царствовал психоз
Любви поэтов и стрекоз…
Спасибо музыке за это
Из театрального буфета!
Друзья подругам удивлялись
И обнимались, целовались…
О, праздник Вдохновенных Чаш!
О, Моцарт, композитор наш!
И я там пил и пел, и я…
Пустая Чаша – не моя.

***

В Литинститут шагая по Москве,
И я мечтал о славе и молве...
И в Интернет вошёл, где неспроста,
Увы и ах, сбылась моя мечта.
И я, душою чист, зело речист,
Известен стал как Первый миражист,
Наследник футуризма и поэт, -
На весь русскоязычный белый свет...
А Лит стоит среди земных невзгод,
И Кедров в нём –
Любимый мой
Препод!

ВСЁ, ЧТО БЫЛО

Ах, всё, что было, - сплыло и прошло…
Который год? Которое число
Мы коротаем, милая, с тобой,
Одной навеки связаны судьбой,
Которая старается - опять, -
И всё же нас не может развязать…
…О ненависти я не говорю –
Лишь о любви небесно-неземной...
И вновь – кого-то - вдруг - благодарю
Черёмухосиреневой весной…

гКрасноярск

Сергей ПРОХОРОВ

Нижний Ингаш

Сергей Прохоров – поэт, член Союза писателей России, автор 24 книг стихов и прозы, основатель и редактор двух литературных журналов: «ИСТОКИ» (с 2005 г.) и «ЛИТКУЛЬТПРИВЕТ!» (с 2012 г.). За вклад в русскую словесность и национальную культуру награждён орденом «Культурное наследие».

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ХРИСТА

Я был ещё в сладостной дрёме,
Когда ни с того, неспроста
Поэт позвонил мне, Ерёмин,
Поздравил с рожденьем Христа.

Я был удивлён и растроган,
Спросил: «А ты разве крещён?»
«А нехристей нету у Бога»,
Воскликнул поэт возмущён.

И, поразмыслив немного,
Весь мир этот грешный любя,
Мы чтили и славили Бога
Иисуса Христа и себя,

И всех остальных понемножку,
От щедрости душ заодно
И серую в инее кошку,
Скребущуюся за окном.

НЕ ДАЮ СЕБЕ СКУЧАТЬ

В звуках музыки до вскрика
Я живу, душою пьян.
Пианино есть и скрипка,
И гитара, и баян.

Иногда на них играю,
Бью по клавишам, смычком,
От пупа меха тягаю
Про Камыш и Сулико.

А вчера на балалайке
Бил азартно в три струны,
Пел частушечные байки
Про любовь родной страны.

Радость на душе ли, грусть ли –
Не даю себе скучать,
А сегодня, вот, на гуслях
Опьянительно звучат.

РЕКВИЕМ ЖИЗНИ

Хорошо, наверно, умереть,
Ни тебе волнений и ни страха,
Жаль не слышно, как щебечет птаха,
Крылышки, присев, на солнце греть.

Хорошо, наверно, умереть,
Когда радость уж давно не в радость,
Жаль, что не увидишь майских радуг
После ливней в грозовой поре.

Хорошо, наверно, умереть,
Когда никому уже не нужен.
Жаль, что с жизнью я пока что дружен,
Пусть не на все сто, а лишь на треть.

Хорошо, наверно, умереть,
Умершему все долги прощают,
Жаль лишь то, что только обещают
И любить, и помнить здесь и впредь.

Хорошо, наверно, умереть,
Только жить на свете всё же краше,
Жаль, невмоготу порою даже,
Но, ведь это надо же суметь.

ЛИШЬ ПИСАЛИСЬ БЫ СТИХИ

Я не знаю чего для,
А, быть может, знаю,
Вот, дожил до февраля,
Доживу до мая.

В божьи кущи не резон,
Настроенья нету,
А какой вокруг сезон,
Всё равно поэту.

Осень, лето ли, зима,
В лирике ли, в прозе,
Не свихнут меня с ума,
Ни в малейшей дозе.

А когда умом не хил,
Хвори не обуза.
Лишь писались бы стихи,
Да любила Муза.

ЭВРИКА!

Какой-то по ТВ идёт бестселлер,
Бессмысленно смотрю киносюжет…
Как трудно очутиться вдруг без цели,
Ещё трудней, когда той цели нет.

Интуитивно хлопаю ладонью
По сморщенному лбу от слов и рифм:
- Ха! Эврика! – и головой седою
Проваливаюсь в омут сладких Нимф.

НЕ ВЕРНУТЬСЯ

Жизнь промчалась своим чередом,
Вслед другие пришли времена.
Я б хотел возвратиться в тот дом,
Где живы ещё мать и жена.

Но уже не вернуться никак
В дом, где встретиться все мы должны.
И откуда мне машет рука
Толи матери, толи жены.

ОСОБЫЕ СЛОВА

Не сильно верующий я твержу: Спаси, Бог,
Меня от скверны, зла, худой молвы!
И всем, кто мне помог, я говорю: Спасибо!
Нет убедительнее слов, увы.

А ПОЧЕМУ?

Не пожимаю я плечами,
Когда чего-то не пойму,
Зато я крепко сплю ночами,
А почему? Да потому
Не задаю дурных вопросов
И ни себе, и никому.

МНЕ ВОРОН СЧИТАТЬ НЕ ЛЕНЬ

Уж который день сижу
У окна
И на белый свет гляжу –
Белизна.
Завалился зимний день
Набекрень,
Мне считать ворон не лень
Целый день.
Но короче с каждым днём
Эти дни
И вороны за окном
Не одни.
Вон мужик с большим шестом
Жизнь винит,
Пёс за ним, крутя хвостом.
Семенит.
Пойду-выйду на крыльцо,
Снег смету,
Ветер брызнет мне в лицо
Снеготу.
Освежит на миг мне лоб
И виски,
И согреет мой озноб
От тоски.
И опять на целый день
У окна.
Мне считать ворон не лень,
Вон одна……
А за ней ещё одна
И ещё,
Потерял воронам, дням
Уже счёт.

Анатолий КАЗАКОВ
г. Братск

Анатолий Владимирович Казаков - автор нескольких книг прозы и книжек для детей, многих публикаций в СМИ, в интернетовских изданиях. Его статьи, рассказы, стихи о наболевшем, актуальном.

…

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Поведаю дорогому читателю о долгожданной, Богом, данной мне встрече, которая случилась 15 ноября 2022 года, с народным артистом РСФСР Александром Яковлевичем Михайловым.

Приезд воистину любимого всей нашей многонациональной Отчизной артиста, Александра Яковлевича Михайлова, должен был состоятся в нашем родном Братске в прошлом году. Висела афиша на низком железном заборе, но странное дело никто её не срывал, афиши с новомодными артистами висели недолго.

Я взял билет по электронной почте, в этом помог мне сын, вскоре он мне его и распечатал где – то. Билет был на 29 ноября в 19-00 двадцать первого года. Была страшная пандемия, и все концерты отменили. Вскоре десятого декабря, от «ковида» умерла моя мамочка Казакова Анастасия Андреевна. Неисчислимо много людей умерло от «ковида», я конечно ориентируюсь на посёлке Гидростроитель, в котором живу. Мама не дожила до восьмидесяти трёх всего месяц. Ещё осенью копали с ней картошку, и я едва успевал выворачивать лопатой курни, а она уж всю картоху подберёт, силы и бодрости её на троих бы с лихвой хватило, деревенские корни – понятие для меня святое. Но, главное, мама почти безграмотная всегда говорила, что много беды идёт из Америки. Теперь известно откуда пришла эта зараза. В народе нашем сердобольном говорят, когда умирают родители, то человек становиться сиротой, как тут не согласиться, милая мамочка.

Пока мама три недели лежала в реанимации, почему-то писались стихи для самых маленьких, так Боженька спасал меня многогрешного, чтобы сердце не лопнуло. Отпевали маму в храме на восьмой день, не выдавали тело, морги были забиты умершими, помог друг, детский врач – реаниматолог Миша Ермаченко, а то бы вообще неизвестно когда бы похоронил. Дал себе слово, что издам в память о мамочке детскую книгу, она так и называется «Толик любит мамочку», тираж всего 20 экз. Потому как стоимость одной книги тысяча триста. Книгу можно найти в интернете.

Прости дорогой читатель, ты ждёшь от меня про Михайлова. Просто не смог удержаться про маму, ибо мы на своей земле живём, и надобно читателю поведать, то что в душе саднит…

Этот электронный билет я так и не сдал обратно.

Прошёл год. Какой он этот двадцать второй окаянный год, долго будет помнить наш многонациональный народ.

Война на Украине стала неизбежной, много раз думал, как хорошо, что есть дача, можно потихоньку копаться с землёю, но телевизор включал, смотрел, а потом долго не мог заснуть, даже к успокоительным таблеткам пристрастился, чего греха таить. Лето было таким дождливым, что не упомню я столько дождей, было когда, или нет. Вырыли картошку. Она ещё как-то крепиться, гниёт конечно, но терпимо, а вот лук сгнил почти сразу, в морковке муха завелась, словом, не надо бы об этом писать, все знают, особенно братчане, но вот пишется.

В этом сезоне стал снова ходить на хор «Русское поле», после смерти мамы долго не мог одыбать. Теперь получаю пенсию, вот бы мама обрадовалась, но не успела. И вот стало известно, что в этом году народный артист приедет. Звоню в Братск – АРТ на кассу, ответили, что по старым билетам пройти можно.

Теперь настало время написать о том, что было раньше. Несколько лет назад, Александр Яковлевич приезжал в Братск со спектаклем «Любовь не картошка». Я тогда сторожил, людей не хватало, словом на спектакль я не попал. Попросил директора ДК «Транспортный

Строитель», Светлану Ивановну Новикову, чтобы передали артисту мою книгу «Аналой». Так сложилось, что в книге были мои работы о друзьях Александра Яковлевича: Василии Макаровиче Шукшине, Василии Ивановиче Белове, Михаиле Сергеевиче Евдокимове… Подписал книгу своим четверостишием:

«Распутин, Астафьев, Белов.
Деревни славянская Лира.
Прозрение русских умов.
Словесность кондового мира».

А вечером мне позвонили. Оказалось звонил Александр Яковлевич. Я разволновался, и как окунь которого вытащили из лунки, жадно глотал воздух, а он говорит слышу ли я его. Сказал, что слышу. Поговорили о жизни, наверно с пол часа, может, больше. Это было первое наше такое вот знакомство. Главное, первый раз разговаривал с человеком, а казалось, что знаю его всю жизнь. В жизни бывает так, что артист на экране, и в жизни разные люди, но не в этом случае. Но об этом позже. На следующий день Светлана Ивановна мне передала десять тысяч рублей и диск песен от Александра Яковлевича. В интернете можно без труда найти мою статью «Звонок народного артиста», добавив к этому моё имя и фамилию. Всю ту ночь много думал, ведь в моей книге опубликованы письма Ольги Сергеевны Беловой, вдовы великого русского писателя Василия Ивановича Белова. Дорого всё это для памяти, очень дорого. Невольно вспомнилась наша поездка на Алтай, с другом, журналистом Сергеем Маслаковым, и там на Родине Сергея, мы ездили поклониться огромному памятнику Василия Макаровича Шукшина, могилке Михаила Сергеевича Евдокимова. Потом был написан рассказ, называется: «Братск – Верх – Обское: Путешествие на Родину Михаила Евдокимова». Сначала был опубликован в газете «Сибирский Характер», а потом по сетевым литературным сайтам.

Жизнь! Она не предсказуема, и что случится с тобою дальше никто не знает, так устроено боженькой, и очень хорошо, что именно так. Оказалось в нашем правобережном храме «Преображения Господня», много лет назад мыла полы родственница Александра Яковлевича, Анисья. Вместе с Тамарой Михайловной, прихожанкой нашего храма, которая мне и поведала об этом. Идём к Анисье. Было ей на ту пору девяносто три года. Хорошая получилась встреча об этом тоже написал статью, и её тоже можно легко найти в интернете, называется «И отдохнуть, хоть и устала, а покормить ребёнка надо». Хорошо мы тогда посидели, поговорив о жизни. Какими вкусными постными блюдами меня угощали, таких голубцов и котлет, где не было совсем мяса я никогда не ел, а бабушки упорно хотели меня покормить, и были так подвижны, что не каждый молодой так сможет. Прошёл наверно год, и в нашем храме отпевали Анисью. Похоронили на старом правобережном погосте. Я сообщил об этом по телефону Александру Яковлевичу…

Вот и настал день концерта 15 ноября двадцать второго года. В первой половине дня позвонил Александру Яковлевичу. Любимый артист сообщил, что находиться в гостинице «Тайга», и сожалел, что мне до него долго ехать. Наш Братск действительно сильно раскидан, и до центрального Братска с посёлка Гидростроитель довольно далеко ехать. Но автобусы ходят хорошо, и слава Богу, доехал быстро. Вышел возле гостиницы «Тайга», поклонился храму, который расположен напротив, сильно волнуясь позвонил Александру Яковлевичу, жду в фойе, прошло минут пятнадцать, или больше. За это время немного поговорил с молодой дежурной гостиницы, не утерпел, но к моему не малому сожалению она не знала о таком артисте, даже когда я назвал фильм «Любовь и голуби», молодая девушка ответила, что мы другое поколение, это меня огорчило, но тут ничего не поделаешь, ничего милая девушка, жизнь она такая, что может, и посмотришь этот удивительно добрый фильм. Смотрю на лифты, на горящие кнопки, всё время хожу, но сердце сильно стучит, беспокоя меня, глотаю таблетку глицина.

И вот открывается лифт, выходит высокий, стройный человек в котором я быстро узнал Александра Яковлевича, что-то говорю ему, обнимаемся. В фойе столики, сидения, подбежала пожилая женщина, она работала уборщицей, и попросила автограф, потом быстро куда – то сбегала , и принесла пачку специальных фотографий о Братске, говорила тёплые слова, я же потихоньку доставал свои книги, и думал, что сказать сразу, а о чём потом, но разве тут построишь хоть какой – то план, когда сердце заходиться, про себя говорю сердцу успокоиться, лишь бы глицин был неподдельный. Мы присели за столик, народу в фойе почти не было, нам больше никто не мешал, и я мягко говоря с не малым волнением заговорил:

- Дорогой Александр Яковлевич! Оно понятно по телефону я вам сообщал о смерти вашей тёти Анисьи, да что телефонный разговор, в живую поговорить с человеком, слава Богу, пока не отменили.

Александр Яковлевич улыбнувшись ответил:

- Толя! Мы хоть и по телефону, но знакомы несколько лет, давай на ты, не по душе мне это вы.

Великий артист замолчал, я же в это короткое мгновение отметил, как же постарел любимый всей нашей страной ЧЕЛОВЕК, высокий рост, выправка будь здоров, подтянут, красив, но годы их не спрячешь, но думать об этом было попросту некогда, и я уже менее волнуясь говорил:

- Тётю твою Анисью, отпевали в храме на правом берегу, народу было не мало, брат твой двоюродный приехал. Похоронили на нашем самом первом, старом правобережном погосте, когда гроб опустили в землю, и рабочие стали работать лопатами, засыпать землёю гробик, мы с моим другом Александром Ивановичем Гоматиным, вслух читали молитвы. Удивительный была Анисья человек! Закваска у старых людей железная, факт, стихи Некрасова мне наизусть читала, это в девяносто три года. Показываю артисту свою книгу, говорю:

- Вот книга называется: «С чернильницей в руках на босу ногу».

Александр Яковлевич оживился:

- А почему так называется?

- Раньше были такие чернильницы «непроливайки» назывались, а ещё раньше просто наливали чернила в специальную маленькую такую чеплышку. Словом, моя героиня Тамара Михайловна Гоматина, жена Александра Ивановича, прямо в руках, словно это свеча, несла такую чернильницу в школу, да на босу ногу шагала, уже подмерзать начинало, обуви не было, у них в дому на всех одна телогрейка только была, вот ей её и отдали, сказали учись за всех нас. В общем простудилась она, болела, а потом когда пришла в школу спустя три недели, диктант на пять написала, учитель её в пример ставил, вот такое стихотворение об ней написал, и рассказ так называется о них, как книга эта, и стал читать народному артисту:

Счернильницей в руках, на босу ногу,
Шагала девочка послевоенных лет.
Ещё она взяла с собой в дорогу
Немного хлеб а– больше в доме нет.
Ребята старшие в семье решили–
Одну на всех ей телогреечку отдать.
И полотенечко с узором положили,
Давно уж небыло в избе, чего продать.
– Учись, сестрёнка, мы ж– работать вполе.
За всех нас грамоту старательно учи!
О сколько сказано отяжкой русской доле
И слёз горючих пролито в ночи!..
Согревши ноженьки озябшие у печи,
Выводит буквы, учит алфавит.
Глядит учитель на худые плечи,
Вздохнёт и карамелькой угостит.
Ведь, три недели проболев, спешила в школу
По мёрзлой и неласковой земле…
Учитель молча выпил валидолу:
– Ну, слава Богу! Отогрейся же в тепле.
Счернильницей в руках, на босу ногу,
Шагала девочка послевоенных лет.
Ещё она взяла с собой в дорогу,
Немного хлеба, но вкуснее ег онет…

На передней обложке книги два лица,Тамары Михайловны и Александра Ивановича, переворачиваю книгу, и показываю Александру Яковлевичу заднюю часть обложки, где тоже два лица, это Валентин Григорьевич Распутин и мой покойный ныне друг священник Андрей Огородников, стоят они возле строящегося в центре Братска храма. Рассказываю почему так решил с обложками:

-Вот,вроде, Распутин с батюшкой - выигрышная получается обложка. А я об Андрее Огородникове подумал он другому учил. Словом, известные люди, и на задней обложке не обидятся, они итак известны, а вот Тамару и Александра никто кроме меня и не разместит на передней обложке, думаю мой духовный учитель Андрей Огородников одобрил бы мой выбор. Сколько по тюрьмам с батюшкой ездили…

- Александр Яковлевич сказал:

- Правильно сделал.

Показываю другую книгу под названием «Одинокая лампада деревни», продолжаю рассказывать:

- Это тётя моя Евдокия Андреевна Куванова, в деревне четыре жителя всего осталось, зову к себе в Братск много лет, нет, отвечает ,на Родине помирать буду, это в Нижегородской области. Места эти Богом отмечены, там святой Серафим Саровский был. Открываю книгу, написано: « Выражаю искреннюю благодарность за материальную помощь в издании книги, народному артисту РСФСР Александру Яковлевичу Михайлову». Любимый артист, аж воскликнул:

- Это как так?

- Когда несколько лет назад ты приезжал в наш Братск со спектаклем «Любовь не картошка», я не смог попасть на концерт, на работе нехватало народу, я попросил работников культуры передать мою книгу «Аналой» тебе, а ты мне десять тысяч рублей с диском своих песен передал. Вот и получается помог в издании книги.

Народный артист тихо сказал:

- Сделал доброе дело, и забудь, так нас учили.

Не обошлось в разговоре и о войне на Украине. Александ Яковлевич говорил:

- Я когда к власти на Украине пришли нацисты и когда стали бомбить, сразу на Донбасс поехал с концертами, больно было глядеть на раненого Захарченко, а он раненый, а на концерт пришёл, помню дети меня облепили, тут без слёз нельзя рассказывать. Войной пахло уже в 14 году, она и была всегда и во все времена страшная война, а тут два братских народа, беда это страшная. Из артистов про которых точно знаю, Денис Майданов,

Александр Маршал, Олег Газманов помогают Донбассу всем чем могут, много кто помогает, можно и нужно прямо сказать, вся наша страна помогает.

Слушая Великого артиста нашей Отчизны, думал, во тГосподь привёл свидеться, иговорю:

- Родной дядя певца Дениса Майданова, Лобачёв Александр Петрович тоже у нас на правобережном погосте похоронен. Его сестра Евгения Петровна, Дениса одна растила, а у нас тогда в Братске хорошие заработки были, словом, помогал родной дядя растить Дениса, отсылал деньги сестре. А за могилкой дяди Дениса Майданова, прихожанка нашего храма ухаживает, Нина Николаевна Шульга. Денис когда в наш город с концертом приехал, навестил могилку дяди. Поговорил с Ниной Николаевной, а перед концертом сказал, что посвещает концерт Братску, и родному дяде Александру Петровичу, который помогал его растить. Яписалобэтом, и в этой книге есть материал, и в интернете можно найти, называется «Братск – Николаевна – Денис Майданов».

И вдруг расчувствовавшись говорю:

- Дорогой Александр Яковлевич! С девяностых по телевизору, радио всё про плохое говорят, а ведь хорошее – то тоже происходит, кто – то, кого – то спасает каждый день, и это тысячи случаев за сутки, понимаю жизнь сложна, но и о хорошем надо говорить.

Мог ли я предположить, что вскоре, после этой встречи, умрёт Нина Николаевна Шульга, что мы будем соборно провожать её в последний путь, но вначале будет отпевание в Храме. Отпевали два наших священника отец Георгий и отец Александр. Что я позвоню Евгении Петровне, сообщу эту печальную новость, а мама Дениса Майданова на следующий день сходила в церковь и заказала сорокоуст по Нине Николаевне. На похороны приехал её брат Виктор. Нина Николаевна жила совсем одна, и говорила мне однажды, что когда умрёт, наверно никто не придёт на похороны. Я в это не верил, и случилось так, что люди пришли, и было их не мало. Братчане – особенно старшее поколение, очень дружны, строили молодой город Братск, это давало на всю оставшуюся жизнь этих людей, такие скрепы человеческой дружбы, что можно только по – хорошему позавидовать. Но тогда пятнадцатого ноября я ничего ещё не знал…

Александр Яковлевич предложил пообедать, и совсем скоро мыразместились за столиком в гостинице «Тайга».

Я смотрю в меню, там много разных яств, а я не едал такого в жизни, потому заказал щи из кислой капусты с рёбрышками и домашней сметаной. Александр Яковлевич спросил:

- Толя! Тут столько всего, чего ты, заказывай чего хочешь.

Официантка спросила меня, что буду на второе, я говорю у вас котлетка есть, (Невольно вспомнился памятный фильм с Фрунзиком Мкртчаном, который говорил: «Хочу простую человеческую котлету за 12 копеек), официантка рассмеялась, нет, говорит, только бифштекс, я говорю, а он похож на котлету, она ответила, что похож, я заказал, словом, посмешил немного и народного артиста и официантку. Я завёл речь о Михаиле Евдокимове:

- Александр Яковлевич! Убили Михаила Сергеевича, это ни у кого не вызывает сомнения, я много раз плакал, когда слушал песни в Мишином исполнении. Да и монологи его, они вроде бы смешные, но если тоньше вдуматься, эти монологи по сути своей трагичны, это Лев Дуров отмечал.

Михайлов оживился:

- Я Толя каждый год в Верх-Обском, провожу вечера памяти Миши, как он хотел сделать жизнь родного Алтая лучше, это было его самое большое желание, а то, что убили, да убили…

Пока ждали заказ любимому нами всеми артисту позвонила дочь, потом ещё кто - то, и Александр Яковлевич говорил по телефону:

- Мои гонорары за Усть- Илим, и Братск, прошу перечислить на Донбасс.

Вот так коротко, а ведь это немалые деньги, воистину не зря любит вас, наш во все века сердобольный народ…

После звонка Александр Яковлевич протянул мне десять тысяч рублей, я было стал отказываться, а он спокойно сказал:

- Бери Толя! Я знаю ты на издание своих книг потратишь, да потом раздашь людям.

Ну как после этого не растрогаться, отдышался маленько, но сердце всё одно билось сильно.

Во время обеда беседа немного зашла о здоровье, рассказал любимому артисту, как правильно запаривать шиповник, что корни шиповника лучше заготавливать весною, потом подсушив, заливать кипятком, очень помогает при сердечных заболеваниях, что простая сушёная гвоздика, что продаётся в магазинах как приправа, она там мелко порублена, так вот, если каждое утро рассасывать две, три веточки, то помогает от заболевания вирусными заболеваниями, нормализует давление, выводит глисты и много чего ещё. Может кто - то не поверит, но то, что пишу испытано на себе, хотя каждый выбирает сам как лечиться. Подходило время к тому, что надо было ехать в Братск - АРТ, скоро должна была подъехать машина. Александр Яковлевич дал мне денег, и сказал, чтобы я купил шиповника, а потом перед началом концерта, чтобы пришёл в гримёрку. Я ответил, что могут не пропустить, словом, обсудили как попасть к нему. Выйдя из гостиницы «Тайга», я тут же пошёл в аптеку, купил три пачки шиповника, и вдруг звонок от Александра Яковлевича:

- Толя! Ничего не надо, подходи к гостинице, я сейчас спущусь, поедешь со мною, посмотришь как готовлюсь к выступлению, тебе это наверно интересно.

Что - то взволнованно сказав, иду к гостинице. Стоим возле машины, Александр Яковлевич курит, и говорит, что когда началась война на Донбассе стал курить. Гляжу на молодого водителя, тот курит электронные сигареты, говорю ему, есть ли у него дети, тот отвечает, что дочке двенадцать лет. Твержу, что если будет

курить электронную отраву, до свадьбы дочери не доживёт, смеёмся все вместе, хотя добавил, что простые сигареты менее опасны, чем электронные. По дороге в Братск – АРТ, Алесандр Яковлевич вспомнил про Усть - Илим в котором выступал вчера, один человек инвалид - колясочник подарил книгу своих стихов, потом когда актёр начал их читать , стихи очень понравились, и артист сильно сожалел, что не удалось пообщаться с поэтом. Жизнь человека всегда суетлива, а жизнь артиста втройне, и любимый Александр Яковлевич сожалел, что не довелось поговорить с поэтом - инвалидом, это вызывало у меня огромное уважение к человеку с которым мы ехали в автомобиле, ведь я тоже мог не встретиться никогда С Александром Яковлевичем, но пути Господни неисповедимы, и что случиться с нами мы не ведаем. Подъезжаем к Братск - АРТУ, и вот мы уже в гримёрке. Удивительным было то, что происходило со мною, думал надо говорить о главном, что на душе, словно на исповеди, такому человеку можно доверить самое важное, в этом сомнения не было ни на секунду. Вспомнилось как Ольга Сергеевна Белова, вдова Великого писателя Василия Ивановича Белова писала мне : «Таких как Саша Михайлов мало осталось, он организовал вечер памяти моего мужа в храме Христа Спасителя», в этих словах многое, ох как многое сказано…

Сидим в гримёрке, и я понимая, что артисту надо подготовиться к концерту молчу, но вспомнив про шиповник, помогаю артисту поудобнее положить их в сумку, Александр Яковлевич, положил две пачки, и сказал хватит, я настоял, чтобы положил и третью, а он:

- Ну куда Толя, мне ведь всё тащить.

Сидим в гримёрке, я снова боюсь потревожить актёра перед выступлением, а Александр Яковлевич сидел на стульчике и рассказывал:

- Вася Лановой! Высокий, сильный человек, как он переживал за события на Украине. В последнее время говорил, что очень устал. Понимаю, я сам сплюво время гастролей всего по два часа, но ничего, крепкие сибирские корни помогут. Я преподаю, учу будущих актёров уже не мало лет, мне семьдесят восемь. Всегда наша страна была богата на талантливых людей, артист замолчал, было видно, что воспоминание о друге Василии Лановом далось нелегко, я тихо заговорил:

- Помню несколько лет назад, пришли с женою Ирой с нашего поселкового парада Победы, включили телевизор после парада посвящённого дню Великой Победы над фашизмом, вдруг вышли на сцену, словно три богатыря, это были вы, Михаил Ножкин и Василий Лановой, и исполнили все вместе песню Михаила Ножкина, про Бессмертный полк, а я помню заплакал, нервы, да к тому же действительно любимые сердцу артисты. Помню в 14 году на конкурсе «Золотое перо Руси», в номинации «Духовность», были отмечены Михаил Ножкин, Бисер Киров, и ещё два или три человека в числе которых был и я, удивительна жизнь порою, меня родившегося и выросшего в холодном бараке и то заметили.

Видя мою толстенную линзу на очках, Александр Яковлевич показал на себе, как делать упражнение с глазами, говоря, что это улучшает зрение. Я улыбаясь смотрел и думал, вот ведь жизнь, я ему про шиповник, он мне про глаза, что ни говори жизнь моментами сказочно уникальна.

В гримёрку зашла работник Братск – АРТ, и сказала, что операторы готовы репетировать. Александр Яковлевич взял меня с собою, сижу на первом ряду, в зале тысяча мест, а я пока единственный зритель. О Боже! Пресвятая Богородица! Это со мною происходит? Тихо говорю про себя, да, отчётливо понимаю, что именно со мною, но всё одно не вериться, таков человек. И вот уже выставлены микрофоны, помогаю вытащить на сцену столик,а Александр Яковлевич, читает стих «Поставьте памятник деревне», на большом экране появляются кадры, где корабль идёт при огромном шторме, и вот казалось корабля невидно совсем, а он снова выплывает из огромадной волны, и на корабле работают матросы, а Александр Яковлевич поёт песню: «Там за туманами». Что - то пошло не так со звуком, но оператор быстро устраняет это. Я знал все стихи которые читает артист, слышал почти все песни, да и диск песен, вместе с десятью тысячами рублей был мне передан, и я слушая эти песни плакал, заранее знал, что буду плакать. Это состояние трудно объяснить словами, да наверно и не нужно, дорогой и умный читатель всё поймёт без слов. И вот уже огромный зал полон братчанами, и где – то в этом зале сидит Настенька, внучка Анисьи, а стало быть родственница Александра Михайлова. Когда хоронили Анисью я узнал, что Настя работает медсестрою, у неё по - настоящему какая – то прямо из сказки добрая улыбка, невольно думалось мне тогда, что повезло больным, где работает этот добрый человек. Свет погас, и мы смотрим кадры из фильмов: «Любовь и голуби», «Мужики», «Одиноким предоставляется общежитие»… После кадров из любимых фильмов, вышел на сцену Александр Яковлевич, зал взорвался аплодисментами. Я же в эти минуты думал, что если даст Бог, напишу об этом, и тот кто любит артиста, может быть прочтёт этот материал, и хочется верить, что тем людям станет хорошо на душе. Со сцены звучали стихи Александра Пушкина, Николая Рубцова, Василия Белова, Николая Мельникова… Читая стихи Николая Мельникова, Александр Яковлевич сказал, что поэта убили, очень взволнованно рассказал о поэме «Русский Крест», я же вспомнил книгу Николая Мельникова «Русский Крест», мне подарили её в нашем храме , запомнился рассказ «Дурная деревня», повести, «Щепки», «Сопрано», воистину Великая книга о многострадальном нашем народе. Вечная память! Николаю Мельникову! Вдруг народный артист взял со стола лист бумаги, и прочёл стихотворение о Донбассе неизвестного автора, там есть такая строка «Почему молчали о Донбассе», во время исполнения стихотворения, Алекандр Яковлевич сильно разволновался, затряслись руки, и на какое – то мгновение замолчал, братчане поддержали воистину любимого артиста громкими аплодисментами. Прозвучали песни в исполнении Александра Яковлевича «Конь вороной», Там за туманами», «Калина красная», «Домик у дороги», «На дальнем берегу», «Монастырь», «От героев былых времён», и песня которую написал Михаил Муромов, я не слышал её ранее, посвящена она нашим солдатам. На экране были лица наших ребят, воюющих с нынешними нацистами на Украине. Зал встал и долго, долго аплодировал. В

конце концерта Александр Яковлевич вдруг сказал:

- Я сегодня день и вечер провёл с вашим земляком Анатолием Казаковым, встань Толя.

Я поднялся с места, очень волнуясь, воистину знаменитый актёр ещё что – то говорил, но от волнения я всё позабыл. На сцену выходили братчане, говорили тёплые слова любимому актёру.

Запомнилось ещё об одном случае, который рассказал актёр со сцены:

- Стою на остановке. Проходит мимо одна женщина, потом вернулась, и так несколько раз, и вдруг спрашивает:

- Ты Михайлов?

Отвечаю:

- Да!

- А почему такой старый? В фильме «Любовь и голуби» вон какой бравый был.

- Так фильм снимали сорок лет назад.

Люди после этого долго смеялись. Концерт закончился песней «Монастырь», там есть такие слова «Плачет русский монах в белом монастыре. И по - русски поёт братский хор». Надо же думал я, и мне наш хор «Русское поле» доверил эту песню солировать, справлюсь ли, шибко волнительно всё на белом свете. Иду в гримёрку, увидел внучку Анисьи, Настеньку, они стоят в обнимку с Александром Яковлевичем, обнялись и мы, много наших дорогих братчан подходило к артисту, говорили, то, что хотели сказать. Трогательно всё это было видеть, да простые слова пишу, но они от души поверьте. Великий артист, и это не громкие слова, это правда, поговорил именно с каждым, и когда люди разошлись, и видя как Александр Яковлевич устал, засобирался и я, а он вдруг:

- Толя! Подожди! Смотри сколько конфет, я не ем их, возьми себе хоть часть, всё равно раздам.

Я было стал отказываться, но Александр Яковлевич уже накладывал в мою сумку конфеты, ну вот, вёз книги, обратно повезу конфеты. Обнялись. Сколько всего в русском человеке, вовеки веков не объяснишь. Я рос без отца в холодном бараке с мамой, и на мгновение мне показалось, что меня обнимает родной отец, опять же, сроду не объяснишь это словами. На пороге гримёрки обернулся поклонился по - русски в пояс, вижу и Александр Яковлевич поклонился…

Прошло уже больше месяца со встречи с воистину народным артистом Александром Яковлевичем Михайловым. В моей голове время от времени звучат песни, которые пел артист. Но голова человека такова, что мысли в этой самой голове всё время блуждают, вспоминаю слова одного очень хорошего человека на поминках Нины Николаевны Шульги: « Я мусульманка, а муж мой православный, дружно живём, и дети слава Богу у нас хорошие. Мы с Ниной Николаевной наготовили, и котлеты домашние, пироги, много чего, думаем, будет ли есть Денис Майданов, он же теперь такой крутой стал. А он когда приехал в Братск, обнял нас, говорит: « Есть хочу»! Вот мы обрадовались». Мой друг, поэт Юра Розовский иногда называет меня «Пьеро» из сказки «Буратино», это потому, что довольно часто я бываю грустным, так устроен. Но сегодня я рад, что поведал дорогим читателям о долгожданной встрече с народным артистом Александром Яковлевичем Михайловым, о наших дорогих сердцу братчанах, а ведь это всё и есть наша милая сердцу Отчизна, в которой живёт и трудиться наш многонациональный народ. Настал новый день двадцать второго декабря, двадцать второго года, на репетиции родного народного хора, солирую песню «Монастырь», скоро Рождество Христово, и мы надеемся, что будем её исполнять в родном доме культуры «Транспортный Строитель». Репетиция прошла, иду по посёлку Гидростроителю в котором родился в январские морозы в шестьдесят шестом году, мама моя родилась на Рождество Христово, десятого декабря, был ровно год со дня ухода мамы.В этот день мы ездили с батюшкой Георгием, женою Ирой, двоюродной сестрой Леной и тётей Машей на погост, и священник совершил над могилкой мамочки Литию. Когда умер мой любимый писатель Василий Иванович Белов, то через год на его могилке отслужили Литию. Это мне запомнилось, и захотелось сделать так у мамы. В голове снова звучит голос Александра Яковлевича Михайлова:

Занимается день. Монастырь над рекой —
Заходи, путь открыт, вход отверст!
А на сердце такой почивает покой,
Что я вижу за тысячи верст:
Как лампады горят и горят в алтаре…
Телом здесь, а душой в небесех
Служит старец монах в белом монастыре
И Спасителя молит о всех…

Читайте дорогие мои читатели! Любите Россию! Низкий всем поклон!

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ «ЛИТКУЛЬТПРИВЕТА!»

Золотящийся «Пунктир» краткой мемуарной прозы Е. Степанова чрезвычайно поэтичен, и, хотя в первом номере 2023 года журнала «Литкультпривет!», размещён в разделе проза, вполне мог бы украсить собой и поэтическую область журнала.

Скорее стихотворения в прозе, нежели проза: вспышки памяти, часто перевитые ленточками юмора, но и с - изрядной долей грусти, которую непременно подарит вам житейский опыт, никуда не деться…

Г. Баренц интересно моделирует отношение к основным человеческим эмоциям: надежде, например, которая, ежели вглядеться в корень явления, не представляется столь уж прекрасным, многое обещающим чувством:

У надежды – хрупкие плечи.
У надежды – тонкая шея.
Чтобы разбить ее вдребезги –
Особой сноровки не нужно.
Надежда – такое растение,
Которому нужен свет
Вашей души, тепло
Вашего сердца, влага
Вашей кожи и ваших глаз.

В принципе, надежда –одна из иллюзий, а они, как известно, раньше-позже разлетаются в пух и прах.

Стоицизм Баренца выражается и в кротко-спокойном отношение к старости: хотя финал стихотворения вспыхивает истинно страшно:

Старость приходит,
Как кошка,
На бархатных лапках,
Ластится, трется о ноги,
В знак дружелюбия
Хвост поднимает трубой,
Все урчит и мурлычет,
Все канючит, канючит, канючит,
Чтобы ты на съеденье ей бросил
Кусочек
Своей
Жизни.

Верлибры М. Торбина – с длинным и плавным движением строк – насыщены хорошим поэтическим электричеством, чьи разряды подразумевают и скорбь, и радость: главное, чтобы пропорции были логичны:

Ты просыпаешься в темноте,
И корчишься в гробу дешёвой гостиницы,
А руки тянутся к образу
Черты, которого со временем забылись,
И ты вспоминаешь приходящие сны:
Колдовские, острые, напряженные,
И словно разряд электрической зари,
Они озаряют тебя без устали.

Образы Москвы и Нового года интересно соединяются в алхимическом сосуде поэзии Н. Ерёмина, представляя собой взращённый поэтом щедрый вариант отношения к действительности:

О, Москва, столица дорогая! –
В смысле переносном и в буквальном, -
Не случайно, Новый год встречая,
Вновь я становлюсь сентиментальным…
Пушкин, Герцен, улица Тверская…
Вот где память и мечта – без края…
Где, свиданья с Музой ожидая –
«О, приди скорее, дорогая!»
Вновь под снегопадом я пою,
Вспоминая молодость свою
…

Ерёмин, как правило, краток, но плотная содержательно-эмоционально-интеллектуальная насыщенность его стихов обещает подлинный праздник чтения.

И вошёл, ища спасения,
В храм «Большое вознесение»…
И, в огнях свечей видна,
Мне предстала старина…
И она меня спасла
И над миром вознесла
…

…интересно комбинируется бытовое и метафизическое, бытийное, и… как будто надмирное в поэзии А. Дьячкова: тонкой и нежной, пульсирующей подлинностью бытия:

Болеешь, а мне на работу,
но мы почему-то не спим,
а, взяв бесконечную ноту
молчания, долго молчим,

уставясь на метаморфозы
вещей в полумраке жилья…
И слышно, как падают слезы
с невыкрученного белья.

…звук, точно становясь самостоятельным персонажем, плещет и играет в раскатах поэзии С. Прохорова:

Шутя, друг друга мы смешили
И были счастливы уже,
А с неба падали, снежили
Снежинки в снежном кутеже.
Их радостно с тебя сметая,
Я поспевал сметать едва ль,
И на ресницах твоих таял,
Влюблённый по уши январь.

Перекликаются, нежно изгибаясь контурами, зимние «эс», и становится на душе легко, снежно…

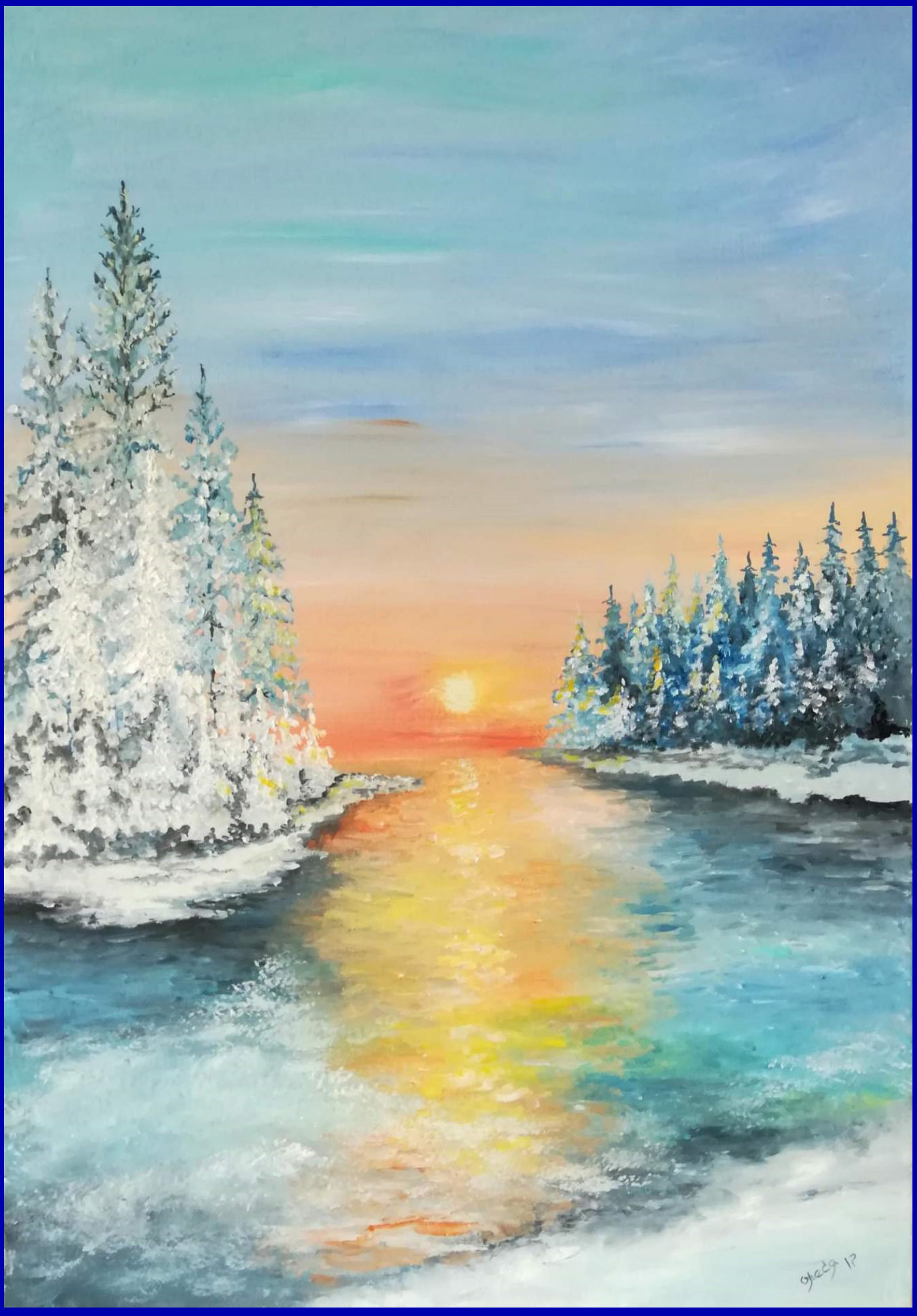
…портрет жизни даётся кратко: слово соответствует строчке (иногда два) в мускульно насыщенном, и, увы, печальном стихотворение:

Было дело –
чувство зрело,
грело тело,
душу грело
пылко, смело,
обалдело,
очумело,
оголело,
оголтело,
млело,
пело,
перемлело,
перезрело…
Надоело.

Год начат «Литкультприветом!» досрочно…

Что ж, хочется пожелать журналу и впредь радовать читателя разнообразием современной русской поэзии и прозы.

Александр Балтин



Морозное утро. Худ. Олеся Кищенко